

Библиотека узбекской советской прозы

САБИР АБДУЛЛА

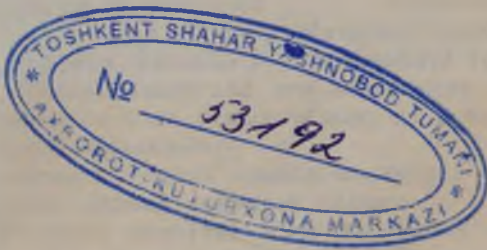
МУКИМИ

САБИР АБДУЛЛА

МУҚИМ

РОМАН

Ташкент -
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1988

Перевод с узбекского *С. Паластрова*
Под редакцией *М. Шевердина*
Перевод стихов *Рауфа Галимова*

Абдулла, Сабир.

«Мукими»: Роман / (пер. с узб. С. Паластрова; Под ред. М. Шевердина; Пер. стихов Р. Галимова). — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1988. — 384 с.

Роман «Мукими» («Скиталец») — документальное повествование об узбекском поэте-демократе Мухаммеде Амнходже Мукими, жившем во второй половине XIX — начале XX века, в период, когда Туркестан был царской колонией. Трудящиеся края подвергались эксплуатации местных баев и царских чиновников. Передовые люди выступали за освобождение своего народа, испытав на себе благотворное влияние русской революционной мысли.

Одним из таких прогрессивных деятелей, выразителем дум и чаяний трудового народа был поэт Мукими (1850 — 1903). О нем, о людях, его окружавших — поэтах, певцах, музыкантах, дехканах, ремесленниках, — рассказывает в своем романе Сабир Абдулла.

4702570200 — 6

Уз2

Л _____ 58 — 88

М352(04) — 88

© Оформление. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гулима, 1988 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСКРЫ ВО ТЬМЕ

Поздняя осень. По городу рыщет ветер, пронизывает до костей. Натянув на голову полы халата, по улочке бредет старик с вязанкой хвороста. Громко шлепают в тиши вечера его стоптанные козлиной кожи кавуши на босых ногах.

Навстречу вывернулся из-за угла молодой парень и насмешливо бросил:

— Эй, Мумин Ворчун, вы пропустили вечернюю молитву. А все из-за хвороста!

Весь город знал старика Мумина Хуноба, то есть Мумина Ворчуна. Немало Мумин хлебнул горя на своем веку. Жизнь издергала его всяческими невзгодами да бедами, и он стал вспыльчивым, не в меру раздражительным и ворчливым.

Насупившись, старик искоса посмотрел на шутника и, не останавливаясь, поплелся дальше.

— Пропустил молитву! — ворчал Мумин. — Это легко поправить. А вот спастись от холода? Да простит господь слабого, немощного раба своего... Вознесение молитв к престолу аллаха придумали те, у кого дров, угля в очаге полным-полно, у кого котел лоснится от жира! А у меня? У меня всего-навсего одна вязанка хвороста. Что мне, старику, делать? Варить обед или подогреть воду для омовения?.. Лучше жариться на углях в аду, чем совершать омовение холодной водой!.. Вон властитель могущественный Худоярхан уж как старался, понастроил сколько мечетей всяких, медресе! А какое воздаяние получил он за все свои богоугодные дела? А разве я, ничтожный нищий, получу в том мире хоть что-нибудь за свои добрые дела?

Так и не переставая ворчать, шутник свернул в другую улицу.

Сзади Мумина Хуноба шел человек в добротном нарядном халате. Он отлично слышал брюзжание Мумина.

можно обратиться позднее, когда вы будете уже в летах. Неужели из-за всяких наук должно остаться позади учение о вере, о догматах? А впрочем, вы сами лучше знаете, вам виднее, господин Миён...

Сглотнув слюну, Миён Сотыболдыхан склонил голову в полупоклоне и сделал вид, будто он весь — внимание.

— Да, да... Так, господин,— проговорил он.— Благодарю за любезность...

Миён Сотыболдыхан держал себя с достоинством. Краешком глаза глянул он на Мухаммеда Аминходжу, и тот прочел в этом взгляде: «Вот, мол, как я избавился от его непрошенных советов». Тем временем Нохуш принес на подносе лепешки, сласти и чайник чаю.

Хозяева худжры принялись угощать гостя. Но кто такой этот незнакомый гость и почему он в столь неурочный час постучал в их дверь, они не знали.

А гость, прихлебывая чай, продолжал:

— Господин Миён, кто-нибудь из вас имеет склонность сочинять газели?..

Как видно, Миёну был неприятен этот разговор, и он ответил:

— Извините... Ваш покорный слуга не поэт, но вот они оба пишут стихи, а меня считают искренним почитателем поэзии...

Неприветливый взгляд гостя словно обшарил лица Нохуша и муллаваччи и остановился на Миёне.

— Хорошо,— сказал он.— Прекрасно!.. Значит, они пишут газели? Жители города Коканда давно уже, со времен эмира Умархана, привыкли к стихоплетству... Увлекаются поэзией. Даже конохи Умархана были поэтами...

И столько желчи было в его словах, что всем стало не по себе. Нохуш резко встал и вышел из комнаты. Мухаммед Аминходжа опустил глаза и едва сдерживал себя.

Сдавленным голосом Миён Сотыболдыхан спросил гостя:

— Вы хотите сказать, что кокандцы не стоящие поэты, что ли?

— Поэзия — не игрушка, не забава, господин Миён...

— А если у наших кокандцев природный талант?..

— Может быть, у них и талант... Но мне это неясно. Господин Миён, вашего покорного слугу не интересовали имена этих людей. Но сейчас не время спорить. Я только что приехал в Коканд. Живу пока в доме уважаемого

Сулеймана Авгаибая. А вам привез письмо от господина Турахана-махзума¹. Я наслышан, будто медресе целиком в вашем распоряжении, господин Миён...

Порывшись в кармане, незнакомец извлек сложенную вчетверо бумагу и протянул ее Миёну. Пробежав глазами письмо, тот сложил его, перегнув несколько раз.

— Извините,— сказал он.— У нас в медресе все жилые худжры заняты. Прошу прощения, таксыр². Но примите во внимание, причина у меня уважительная. К тому же прежде чем обещать вам должность попечителя имущества, принадлежащего медресе, мой уважаемый брат, а также мой досточтимый тесть должны были бы получить разрешение от домуллы Зуфара-махзума, старшего преподавателя нашего медресе. Пока в медресе распоряжается уважаемый домулла,³ быть может, они согласятся, а может быть, и нет... Извините вашего покорного слугу, но сами видите причины. Прошу прощения.

— А если домулла Зуфар-махзум не изволят согласиться?

— Ну, тогда что же мы можем сказать?..

Ясный, прямой ответ, видимо, задел гостя. Он понял, что говорить больше не о чем. Раздраженно прочитав над дастарханом краткую молитву, он поднялся, холодно распрощался и вышел. Молча Нохуш проводил гостя. Вернувшись, он сказал:

— С вас суюнчи, Миён!.. Снег пошел!..

* * *

Поблизости с медресе Хазрат в тесном, невзрачном домишке жил известный учитель, содержавший мактаб, домулла Халил. Он был очень сведущ в разных науках. В жизни он много перенес трудностей и лишений, но тем не менее всегда стремился расширять свои познания. Все уважали его и почтительно называли: наш учитель, наш наставник.

Наиболее способных своих учеников Халил-домулла обучал светским наукам. Днем в этой школе все делалось напоказ: ученики зазубривали тексты из корана и декламировали религиозные стихи. А вечером собирались лучше, отобранные домуллой Халилом, ученики и обучались каллиграфии, математике и другим наукам.

¹ *Махзум* — почтительное обращение к духовным лицам и их родственникам мужского пола.

² *Таксыр* — господин.

³ *Домулла (домла)* — учитель; почтительное обращение к человеку в знак уважения к его знаниям.

Однако многие отцы учеников не проявляли ни малейшего интереса к этим занятиям, а некоторые просто с ненавистью и подозрительностью относились к нововведению домуллы Халила.

Миён Сотыболдыхан и Мухаммед Амниходжа были здесь самыми способными учениками. Они и подружались вот в этом мактабе.

Чем же объяснить, что между Миёном, сыном святейшего имама Раббони Сохибзаде, и Мухаммедом, сыном пекаря, возникли искренняя симпатия и любовь? Произошло это потому прежде всего, что у них был мудрый наставник домулла Халил, который сумел наглядно раскрыть перед ними пользу науки. Кроме того, у юношей были сходные характеры. Оба отличались острым умом, отзывчивостью, сообразительностью, находчивостью, учтивостью.

Среди девятнадцати сыновей святейшего имама Раббони Сохибзаде Миён Сотыболдыхан выделялся уже в детстве. Воспитателем у него был Нохуш, которого привели в Коканд нищенская жизнь и скитания.

Странный был человек этот Нохуш. Не имея сам ни гроша, он избрал путь покровителя нищих и обездоленных, убогих, делясь с ними последним. В Миёне он воспитал скромность и сдержанность. Не позволял ему кичиться своим происхождением и богатством. Именно потому Миён братски относился к сыну бедного многосемейного пекаря, своему товарищу Мухаммеду Амниходже.

Простодушный, неприхотливый и вместе с тем болезненно самолюбивый Мухаммед Амниходжа еще мальчиком умел держать себя с достоинством. Отличался выдержанностью, солидностью, твердо переносил невзгоды и лишения.

Дружба его с Миёном с годами крепла. Часто они сидели вдвоем в худжре, читали вслух книги, горячо спорили, «уцепившись» за какую-нибудь нелепую мысль в произведении того или иного поэта. А устав от споров о высоких материях, играли в шахматы или же состязались в острословии.

Поэт Нохуш, сидя у порога, с интересом прислушивался к беседам друзей, к изящной, тонкой игре слов, иногда и сам вставлял острое словцо.

Как-то Миён Сотыболдыхан дал Нохушу серебряную теньгу¹, попросил:

¹ Теньга — монета достоинством в 20 копеек.

— Возьмите на себя заботу — купите все для ужина.

А Нохуш, улыбнувшись, показал ему свою монету и сказал:

— Спрячьте свою теньгу, Миён! У меня есть...

— Не верю! У вас на расход не хватит! Не берите на себя столько забот.

— Господни Миён! Вы увидели, что у меня в руке только одна монета, и потому говорите так! Но у меня сколько угодно... забот и без монет.

Старик Нохуш в шутку сказал так, но его шутка была слишком похожа на горькую правду. От Мухаммеда Амниходжи не укрылось, что глаза Нохуша наполнились слезами.

Нохуш через силу улыбнулся, взял небольшой хурджу и отправился на базар. А Миён молча встал, взял с полки первую попавшую книгу и, перелистывая ее, тихонько вздохнул. Мухаммед Амниходжа, оставившись в одну точку, думал. Мысленно он перенесся в далекую Индию, о которой он часто слышал от Нохуша.

Знойный летний день. По пыльной длинной улице города Калькутты двое вооруженных ведут закованного в цепи, избитого, окровавленного юношу. За ними, поднимая пыль, бежит стайка голых ребятишек. Прохожие останавливаются и с жалостью смотрят на закованного в цепи юношу, высказывают свои предположения: один приходит к мысли, что юноша убил человека, другой считает его вором. Грузчик средних лет сбросил со спины тяжелый груз на большой камень и, вытирая со лба пот, тихонько объясняет:

— Да бросьте вы! Юноша вовсе не вор, не лгун, а невиный поэт! В одно его стихотворение «вкралась ошибочка». И за это ему вынесли приговор: «Посадить в тюрьму!»

Юноша этот был Нохуш, сын книготорговца средней руки. Он получил известность в Калькутте своими бунтарскими стихами. Простые люди, труженики читали его стихи. Но у богачей и знати дерзкие строфы Нохуша вызвали ненависть. За поэтом начали следить. Подвергли его преследованиям. Но мятежный Нохуш смело шел своим путем. В стихах он разоблачал жестокие законы английских колонизаторов. Его арестовали, били, истязали, в конце концов бросили в тюрьму.

Прошли годы. Каждый час из этих долгих лет казал-

ся Нохушу вском. Томясь в подземной темнице, он сочинял песни о солище, о луне:

«Солнце, ты делаешь свое благое солнечное дело. Но, находясь далеко, очень далеко, ты посылаешь всем одинаково свои улыбки. Смотри, что происходит в мире! Приглядиись! Кто смеется, кто плачет! Кто живет при свете, а кто в подземной темнице! Сообрази, кто прав, кто неправ.

О Луна! Скажи мне! Было это несколько лет назад. Просидел я всю ночь напролет, писал стихотворение. И вдруг наступило утро, и мой взгляд упал на твой пожелтевший лик. Тогда у меня не было нужды спрашивать, почему пожелтело твое лицо. Ибо я был свободен. А теперь я задаю тебе вопрос из подземной темницы. Скажи мне! Ты на небе, выше всех, а я ниже всех, под землей, и я лишен возможности видеть даже тебя, о Луна! Лицо мое пожелтело, тело в ранах и язвах, глаза мои полны слез. Скажи мне, почему пожелтело твое лицо, Луна? Что за причина?.. Или ты тоже пожелала добиться правды?..»

Когда Нохуша выпустили из подземной тюрьмы, его отправили в ссылку далеко от родной Калькутты.

Воспоминания Мухаммеда Аминходжи прервал громкий стук. В передней послышались голоса. Мухаммед Аминходжа вскочил и вышел в переднюю. Тут же вернувшись, он оживленно сказал:

— Пришли сам домулла с шахматами под мышкой и Юлдашали...

Едва Миён Сотыболдыхан успел подняться с места, как в худжру зашли седобородый старец домулла Халил в конусообразной ватной шапке дервиша и один из его любимых учеников Юлдашали... Миён поспешил навстречу с приветствиями, почтительно принял из рук учителя посох. Мухаммед Аминходжа взял шкатулку с шахматами и пригласил гостей пройти на почетное место.

— Захотелось сыграть партию, учитель?.. Но зачем трудились?.. Ведь вы же знали, что у нас тоже есть шахматы!

— Да мы вот дома играли в шахматы с муллой Юлдашали. Двигали-двигали фигуры, надоело. Захотелось куда-нибудь пойти. Давайте сыграем. Мы вдвоем, и вы вдвоем. А где мой друг Нохуш? Что-то его не видно.

Мухаммед Аминходжа ответил:

— Он сейчас придет. Понадобилось купить кое-что. Мулла Юлдашали, садитесь поудобнее...

Хотя Юлдашали был моложе Мухаммеда Аминходжи, но по части учения, смысленности, сообразительности несколько не отставал от него. Он также увлекался поэзией и сам писал стихи. Юлдашали изучил таджикский язык. Теперь он устроился учеником к китайскому табибу, ходил к нему по вечерам, учился делать лекарства, а вместе с этим изучил китайский язык.

Домулла Халил и Миён Сотыболдыхан уселись за шахматы. Мухаммед Аминходжа принялся готовить чай.

Домулла Халил взглянул на Юлдашали, следившего за игрой, и окликнул:

— Мухаммед Аминходжа!

Мухаммед Аминходжа быстро повернулся и спросил:

— Что изволите, учитель?..

— Ваш друг мулла Юлдашали не говорил вам, куда он ходил сегодня, что видел, что написал?

— Нет, учитель! Не говорил!..

Юлдашали покраснел и опустил голову. Миён Сотыболдыхан вставил слово:

— Не говорил, но теперь мы послушаем. Что вы говорили, мулла Юлдаш?..

Покопавшись в кармане, Юлдашали вынул лист бумаги и стал с увлечением рассказывать: вчера, в пятницу, он пошел в Новый город прогуляться и видел на улице Розенбаха, напротив строящейся гостиницы, вновь открытый магазин готового платья. В окне этого магазина выставлена замечательная красавица в шелковом платье, русоволосая, кудрявая-кудрявая, глаза бирюзового цвета, ресницы длинные-длинные. Кто бы ни шел мимо магазина, и стар и млад, все останавливаются и смотрят. Одни говорят, что это кукла, а другие спорят: «Да разве куклы такие бывают? Это живая девушка!..»

Затем Юлдашали многозначительно посмотрел на домуллу и засмеялся:

— Учитель тоже заинтересовались. В следующую пятницу они собираются пойти со мной посмотреть!..

Услышав это, Миён и Мухаммед Аминходжа засмеялись.

— Отличное желание, домулла! — вполне серьезно сказал домулла Халил. — Я-то уже стар. Но удивляюсь, глядя на вас, молодых, Миён! Почему вы не сходите в Новый город прогуляться, не посмотрите? Русские воздвигают удивительные здания. В городе полно всяких

диковник. А неживая красавица с лицом пери, которая поразила Юлдашали, разве не чудо?!

Как раз в том году западной части Коканда было дано название Новый город. В нем прокладывались широкие прямые улицы, по обеим сторонам которых воздвигались высокие дома и магазины. Хотя гарем Худоярхана и был пока оставлен неприкосновенным, позади него было построено мрачное здание тюрьмы, а перед ней укрепление, на стенах которого установили пушки. На площади между укреплением и каналом под вечер солдаты выстраивались в ряды и проводили занятия.

Жители Коканда с любопытством наблюдали перемены в родном городе. Их радовала постройка новых зданий, магазинов, но тюрьма и пушки на крепостном валу вселяли страх.

Домулла прервал свои размышления вслух, как он их называл. Пришел и его черед делать ход. Тогда Юлдашали вслух прочитал написанное им двустишие:

Стройный стан в окне увидев,
всяк влюбляется, сражен,
И, глаза подняв в томленье,
удержать не может стон.

— О,— заметил домулла,— эти строфы говорят о поэтической жилке, которой госпожа природа наделила вас, Юлдашали.— Протянув Мухаммеду Аминходже листок бумаги со стихами Юлдашали, он добавил: — А вы продолжите!

Мухаммед Аминходжа почтительно принял листок и, сев в сторонку, задумался, а шахматисты продолжали азартно сражаться.

Немного погодя, Мухаммед Аминходжа встал и, подойдя к учителю, смиренно подал ему листок.

— Приношу извинения... Не видел ее ни разу... Но так... предположительно, по догадке...

Пробежав глазами написанные строфы, домулла похвалил:

— Подлинному поэту не надо видеть. Настоящий поэт, не сходя с места, может обойти, облететь весь свет, может познать настоящее и будущее. А теперь прочитайте сами, что вы написали!

Мухаммед Аминходжа прочел:

Цвет хризолита — цвет очей — нанес красе се урон,
Но цветник — не в зелень разве, расцветая, окаймлен?

Золотом кудрей прелестных, вставши вровень с божеством,
Серебро лица венчает она золотом корон.

Сто улыбок расточила, не выдавши Муками,

А увидела б — не знаю, чем я был бы ослеплен.

Дочитав, он опустился на колени и склонил голову. Домулла Халил безмолвно обнял поэта и поцеловал в лоб. Ибо только вчера он одобрил его псевдоним «Муками» — «Постоянный», а сегодня этот псевдоним, включенный Мухаммедом Амниходжой в строфу сочиненного тут же стихотворения, заблестал жемчужиной в золотом перстне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАСТАВНИК ХАНА КОКАНДСКОГО

За несколько лет до описываемых событий город Коканд пережил большие перемены.

В одну из пятниц по издревле установившемуся обычаю верховный глава кокандского духовенства — шейх-уль-ислам, верховный судья ханства — казикузот, многочисленные ученые-богословы — улемы, почтеннейшие имамы городских мечетей чинной толпой явились в ханский дворец приветствовать повелителя правоверных Амир-уль-Муслимина Худоярхана. После торжественной пятничной молитвы все они у входа во дворец поцеловали землю на пороге и хором пожелали Худоярхану долгой жизни, а затем принялись также хором читать молитвы. Молились они весьма долго и основательно о прочности и незыблемости Кокандского султаната на многие годы. Ханские слуги расстелили для всего уважаемого собрания дастархан, принесли всякой снеди и лакомства. Во время угощения Худоярхан сделал рукой знак мунши — придворному писцу. Тот вынул из-за пояса бумагу, свернутую в трубочку, и с поклоном подал ее хану. Хан с самодовольной высокомерной улыбкой протянул бумагу шейх-уль-исламу.

Шейх-уль-ислам, низко кланяясь, принял письмо из рук хана, развернул и пробежал глазами. Пока он читал его про себя, всех охватила тревога. Ознакомившись с содержанием письма, шейх-уль-ислам поцеловал его, поклонился хану и, повернувшись лицом к присутствующим, объявил:

— Это письмо из Калькутты от святейшего имама Раббони Сохибзаде.

В письме написано:

«Великому эмиру Маверааннахра, острому мечу — защитнику мира ислама, великому султану Туркестанского края, его высочеству Худоярхану. В этот добрый час, когда дойдет до вас письмо, да станет вам известно, что мы слышали, как вы заочно назвали вашего покорного слугу своим духовным наставником. Эта честь, которую вы оказали нам, вознесла ввысь нашу главу до самого неба и, согласно вашему предложению, мы заявляем, что готовы усердно служить вашему высочеству в городе Коканде, в вашей прекрасной столице, подобной райскому саду, что мы согласны быть вашим наставником и под вашим великим покровительством возносить молитвы о ниспослании на вас благодати. Но прежде чем собраться в этот священный путь, надо сказать вашему высочеству о нижеследующих крайне необходимых условиях, что и вызвало потребность написать это письмо. Нам необходимы средства на дорожные расходы, чтобы с нами могли приехать вся семья, жены, их родственники, мужчины и женщины, а также слуги, всего без малого сорок душ. Во-вторых, по приезде нужно место для остановки, а потом гарем для житья, внутренний и наружный сад, личное медресе и мавзолей, сарай для верблюдов, имение с орошаемой землей. А третье такое условие: если преступник, приговоренный к смерти, убежит из-под виселицы или вырвется из рук палачей и ему удастся перешагнуть через порог нашего дома, то его надлежит простить и снять с него всякие обвинения. Выражаю уверенность, что условия эти не затруднительны. Мы просили бы вас, чтобы к нам сюда, в Калькутту, приехали посланцы, человека два из числа почетных лиц, и сообщили бы нам о вашей любезности и благосклонности, а потом были бы нашими спутниками и указывали бы нам дорогу в столь далеком путешествии.

Ждем вашего благосклонного внимания и милости.

Имам Раббони Сохибзаде.

К а л ь к у т т а .

Араб из города Медины имам Раббони Сохибзаде считал себя потомком пророка и был одним из самых высокопочтимых и уважаемых духовных лиц в государствах ислама. По никому не известным причинам Раббони

Сохибзаде пересел из Аравии в Калькутту. Здесь он разбогател и стал влиятельным духовным наставником среди индийских мусульман. Позднее между ним и высшим калькуттским духовенством начался разлад. Вести об этом дошли до кокандских улемов. Знатоки шариата объявили тогда хану Худояру: «Если столь высокопочтимая особа согласится приехать в Туркестан и жить у нас и если хан сочтет за благо считать ту особу своим духовным наставником, тогда, во-первых, еще больше укреплится государственная власть хана, еще ярче будет сиять величие его султаната. Во-вторых, ни одно иностранное государство не сможет причинить ущерба ханству. В-третьих, в Туркестане еще больше расцветет религия ислама».

Представители высшего духовенства твердо стояли на своем. Худоярхан принял их предложение и направил имаму Сохибзаде в Калькутту письмо с приглашением.

Правда, условия, выдвинутые имамом Раббони Сохибзаде, несколько обеспокоили Худоярхана, но улемы предложили покрыть дорожные расходы путем сбора пожертвований на богоугодные цели и заверили, что из казны на это дело не будет потрачено ни копейки.

Духовенство Коканда благословило шейх-уль-ислама на поездку в Калькутту с тем, чтобы он лично передал приглашение имаму Раббони Сохибзаде.

Вскоре пришла весть, что имам Раббони Сохибзаде выехал. В Коканде поднялась суматоха. Худоярхан повелел выселить жителей из домов, расположенных в благоустроенных кварталах в центре города, начиная от Исфаринского базара вплоть до махалли¹ Беквачча. Дома сносились, рушились дувалы, появились толпы рабочих. Приступили к возведению большого здания с внутренним и наружным гаремами, домашней мечетью, медресе, а также к постройке сараев для верблюдов. Пригнали садовников и заставили их разбить на месте разрушенных домов большой сад.

Народ роптал. Многих особенно возмущало решение строить новое медресе для какого-то чужестранца.

В Коканде, таком маленьком, тесном, густо населенном городе, было и без того много медресе. В новом Чорсу — на перекрестке, образованном пересечением главных улиц в центре города, — высилось здание медресе Нор-

¹ Махалля — квартал города.

бутахана, получившее название «Медресе Мир», на улице Чилчик — «Медресе ясаулов» и «Медресе хиштип» — кирпичное медресе; в табачном ряду на базаре еще четыре медресе: «Хан-ходжа», «Хакимтура», «Медресе Чалпак» и «Медресе Хомтама»; в восточной части Большого Чорсу возвышалось здание медресе «Мингойим», на юге — медресе «Хокимойим» и медресе «Султана Муралбека», на юго-западе — медресе «Джами» при соборной мечети; в торговом ряду, где продавали гребни, расчески — медресе «Мохларойим», у кирпичного моста в центре города — медресе «Аминджона», на угольном базаре — медресе «Мадалихона», в торговом ряду — медресе «Хаккула» и немало других. Помимо того, чуть ли не в каждом квартале имелись «Корихона», в которых готовились чтецы корана. Но учиться в медресе и корихоне было очень трудно. Не только ученики, но и многие учителя не могли объяснить смысл написанного в книгах на арабском и персидском языках. Конечно, среди преподавателей медресе были и знающие, образованные люди, интересовавшиеся, помимо литературы, математикой и другими науками. Среди воспитанников также было много любителей литературы, и самые знаменитые кокандские поэты вышли из среды слушателей медресе.

В довершение всех бед по указу хана у дехкан ближайших к городу вилайетов¹ было отнято несколько сот танапов плодородных земель, садов и виноградников. Они предназначались в дар имаму Раббони Сохибзаде.

Знатные улемы — знатоки мусульманского права, ученые-богословы города — готовили торжественный прием имаму. Цвет кокандской знати выехал в Ходжент к нему навстречу.

Там имаму Сохибзаде устроили пышную встречу. Затем караван отправился в Коканд.

Худоярхан выехал из города, чтобы встретить духовного наставника. От ханского дворца до самых Ходжентских ворот улицы были устланы ковровыми дорожками.

Постройка дворца была уже закончена. Все это, включая расходы на приобретение обстановки и домашней утвари, было сделано на деньги, собранные с бедняков в виде дополнительного налога. За счет той же бедноты были построены медресе, фамильный склеп на случай смерти кого-либо из членов многочисленной семьи имама, а также сарай для верблюдов. В жилых помеще-

¹ *Вилайет* — область.

ниях разместились жены, дети Раббони Сохибзаде, родственники, слуги.

Правители Ферганского и Андижанского вилайетов преподнесли в дар святейшему имаму Сохибзаде крепости на право постоянного владения выделенными ему землей и водой. Нашлись угодники из духовных лиц, которые захотели породниться со святейшим Сохибзаде и поспешили сделать по обету, данному ими с богоугодной целью аллаху, особо ценное подношение: привели духовному наставнику своих красивых дочерей. Вскоре у святейшего Сохибзаде стало восемь жен. И стоит ли удивляться, что семейство святого быстро увеличилось. Через несколько лет имам Раббони Сохибзаде стал отцом девятнадцати сыновей и девяти дочерей.

Молодой, еще мятежный тогда поэт Нохуш, вынужденный покинуть родную страну, очутился в числе людей, сопровождавших святейшего имама Раббони Сохибзаде в его дальнем путешествии. Только он был не в свите почтенных духовных лиц, путешествовавших верхом на отличных конях или в паланкинах. Увы, он шел пешком по раскаленному песку и твердой гальке босой вместе с рабами-погонщиками верблюдов. В Коканде он не обрел желанной свободы. Здесь, как и в Калькутте, равнодушно улыбавшееся солнце посылало на землю свои лучи с полным безразличием, а лик луны, тоже как и в Калькутте, был желтый, печальный.

Нохуш не изменил поэзии. В нем теплилась надежда, что когда-нибудь, не сегодня, не завтра, а в далеком туманном будущем исполнится его самое сокровенное, самое большое желание: он, поэт Нохуш, будет во весь голос читать людям свои стихи. Ведь говорил мудрый, великий Бедиль:

Не теряют надежд даже те, кто без рук и без ног,
Ведь они ждут добычу, поставив слюнок.

Поседели на чужбине волосы и борода у поэта Нохуша, согнулся стан. Но он никогда не падал духом.

Среди девятнадцати сыновей святейшего Сохибзаде заметил Нохуш Миёна, отличавшегося добрым нравом и любознательностью.

Сначала Нохуш водил маленького Миёна в школу, а когда он подрос и поступил учиться в медресе, вызвался стать его воспитателем и поселился с ним в худжере. Нохуш читал ему стихи персидских и других восточных поэтов и рассказывал об их жизни.

И в том, что Миён Сотыболдыхан вырос поклонником наук и отзывчивым человеком, была немалая заслуга бедняка и изгнанника, поэта и мудреца Нохуша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗМЕЯ ИЩЕТ ГНЕЗДЫШКО

Еще не закончился обед в михманхане достопочтенного казния¹ кокандского Халикджана, еще не был полностью съеден плов, как в двери тихонько проскользнул сл — прошептал хозяйню дома на ухо:

Из Бухары приехал гость...

— Счастливирик этот гость, — усмехнулся Халикджан, — угодил к самому обеду. Ну, зови, пусть войдет!..

Когда бухарец перешагнул порог, гости, сидевшие за дастарханом, вытерев руки о полотенце, поднялись с мест. Казий Халикджан сразу узнал бухарца и поспешил навстречу. Сердечно поздоровавшись с ним, он пригласил всех вновь сесть за дастархан. Слуга полил из кумгана воды на руки гостю и подал ему полотенце. Только тогда казий познакомил присутствующих с новым гостем:

— Наш дорогой гость мулла Мухиддин родом из Ирана, но с молодых лет живет в Бухаре. Мы там с муллой Мухиддином учились вместе в медресе, жили в одной худжре. Я приехал в Коканд, а друг мой остался в Бухаре. Тогда он обещал приехать ко мне. Как видите, он верен своему обещанию. Не так ли, мулла Мухиддин?..

— Вы совершенно правы.

— Очень хорошо, что вы приехали! Вы сделали благое дело! Замечательно!.. Прошу, отведайте плова, прошу!... Эй, Шарифджан, налей-ка чаю и передай сюда.

Слуга наливал чаю в пиалы и передавал гостям. Когда плов был доеден и все вытерли руки, казий прочитал над дастарханом молитву о ниспослании здоровья и благодати. Затем слуга убрал блюда и дастархан, и все принялись ковырять в зубах.

— Теперь разрешите представить вам моих гостей, мулла Мухиддин, — сказал казий. — Все это мои друзья, кашгарцы. Они каждый год пригоняют сюда баранов из Кашгара.

¹ Казий — судья, судивший по шарияту.

Кивнув в сторону сидевшего в бобровой шапке, рослого, краснощеккого, черноглазого и чернобородого гостя средних лет, он продолжал:

— Его имя Тухтаахунбай! Будьте знакомы, мулла Мухиддин! Помните, что еще в Бухаре я рассказывал вам о нем и воздавал ему похвалы. Это доверенное лицо, мой торговый агент. Года через два я пошлю вас в Кашгар вместе с ним. Правда, вы носите высокий сан. У вас, мулла Мухиддин, свои дела. И пусть эти дела идут своим чередом. Но, чтобы жить хорошо, надо быть купцом! Что вы скажете?

Все почтительно поддакивали казнию. Мулла Мухиддин приподнялся, приложив руки к груди, поклонился в знак благодарности.

Завязалась беседа о междоусобицах, происходящих в Кашгаре. Шел слух, что правитель Кашгара Якуббек, лишившись власти, отправился в Аравию, в Мекку.

Затем разговор опять зашел о Коканде.

— С тех пор как явились русские, Коканд постепенно меняет свой вид,— разглагольствовал казий.— Торговые дела тоже пошли хорошо. В мечетях и медресе многолюдно... В первые дни после вторжения русских наши трусливые муллы на всех наводили страх, запугивали людей, что вот, мол, теперь религия ислама будет попрана. Но русский царь, оказывается, справедливый, и болтовня об ужасах оказалась враньем.

Еще казий Халикджан не закончил свою речь, а Шарифджан опять расстелил дастархан и поставил на него два блюда с разрезанной вдоль на четыре части дыней умир-боки. Мякоть была отделена ножом от дынной корки и порезана небольшими ломтиками. Гости с наслаждением ели дыню и нахваливали. Поев, они вознесли всевышнему благодарственную молитву и отправились в свой караван-сарай.

С того дня мулла Мухиддин Хакимзаде остался в доме у казния. Ежедневно по пять раз он вместе с Халикджаном совершал молитвы в установленные часы, здесь же завтракал, обедал и ужинал. Жители махалли Мирзаёдгор прозвали его «гостем-другом» казния. Всякий раз, когда Халикджан присутствовал на торжествах по случаю дня рождения, обрезания, на свадьбах, поминках, его «гость-друг» был рядом с ним, вместе с ним усаживался на почетное место и вместе с ним получал подарки: то халат, то тюбетейку, то поясной платок. Так мулла Мухиддин и жил у казния всю зиму.

Весной казий Халикджан позвал к себе садовода Хашима-суфи и дал ему такой наказ:

— Пусть мулла Мухиддин у вас поучится да, кстати, поможет вам в работе. И еще к вам просьба: у муллы язык путаный. Вы уж помогите ему, научите его хорошо говорить по-узбекски! А про остальное я потом скажу!..

Прошло месяца два. Казий пошел к Хашиму-суфи, отвел его в сторону и спросил:

— Ну как? Хорош? Не ленится?

— Нет,—ответил довольный Хашим-суфи,—способный он человек, прививку черенком сразу усвоил. Раз только посмотрел и сразу все сообразил. По вечерам читает собрания стихов, да и сам пишет газели. А слова стал выговаривать лучше, и речь у него уже довольно складная. А главное — вежливый, учтивый, воспитанный...

Казий принял важный вид и, подняв бровь, заговорил:

— Теперь, когда вы уже испытали муллу Мухиддина, проверили его, я скажу вам о своих намерениях... Вы, может быть, примете его к себе в дом зятем, а?.. Правоверный мусульманин, жаждущий знаний, и по книжной части тоже человек сведущий, лучше этого и не найдете, суфи!

— Да разве вы, господин, позволили бы причинить мне зло?! У меня две дочки, уже невесты, и мы со старухой дни и ночи ломаем голову, как бы подыскать себе в зятя способных, смирных, послушных людей. Раз уж вы считаете муллу Мухиддина подходящим, достойным, то какое же у меня, ничтожного, право ответить отказом?!

Мулла Мухиддин помогал Хашиму-суфи в саду все лето, а осенью повел разговоры, чтобы ему дали где-нибудь жилье. Его просьбу не оставили без внимания. При махаллинской мечети освободили одну худжру, где он и поселился. А в тех случаях, когда имам — настоятель мечети — прибалывал, мулла Мухиддин исполнял его обязанности. Теперь жертвоприношения, поминки, всякие угощения с богоугодной целью не проходили без участия муллы Мухиддина. Он сшил себе в портняжной мастерской длинный широкий полосатый халат. Его чалма делалась все больше и больше.

Несказанно радовался казий Халикджан жизненным успехам своего друга. Как-то в беседе с муллой Мухиддином он его спросил:

— Долго ли вы будете жить одиноко в темной сырой худжре, мулла Мухиддин? Пора вам жениться. Время-то уходит! Выбирайте себе любую из двух дочерей Хашима-суфи! Стоит вам только изъявить согласие — вот и все!

Мулла Мухиддин долго сидел молча, погруженный в свои думы, и вдруг прямо, начистоту выложил казию свое желание:

— Все, что вы считаете достойным, подобающим, я принимаю с удовольствием и верю этому. За вашу заботу спасибо вам тысячу раз. Но у вашего покорного раба другие намерения. Я не прочь жениться, но не на дочери бедняка Хашима-суфи. Не подождать ли еще? Не объявится ли какой-нибудь почтенный бай, который пожелает принять к себе в дом зятем такого образованного и одинокого молодого человека, как я?

Несколько опешивший казий Халикджан похлопал по плечу мулле Мухиддина:

— И чего только не пожелает ваше сердце?..

Тихоней казался по виду мулла Мухиддин, на самом деле был настоящим пройдохой. Говорили, что и в Бухаре он умел лестью угодить высокопоставленным мударрисам и жил потому безбедно. Едва он начал дышать воздухом Коканда, у него появились новые «качества», которые прекрасно сочетались с его прежними «достоинствами». Немного хитрости и коварства, немного восхвалений и славословий, чуть-чуть бахвальства и кичливости — все это пригодилось ему теперь.

Он ловко прикрывался обличем маддаха¹ и, занимательно рассказывая священные истории, пересыпал свою речь чрезмерными восхвалениями власть имущих и безудержной лестью в честь хозяина дома, где ему приходилось гостить. Это позволяло ему добиваться своей цели и находить себе уют и пропитание в богатых особняках у баев, мулл, ишанов.

Иногда он отправлялся в ханаку — странноприимный дом ишана Хакима-халфа, высившийся на берегу речки, и собирал многочисленных слушателей у висевшего там большого чугунного котла.

Один из зажиточнейших кокандских баев Ходиходжа-ишан часто устраивал в ханаке религиозные чтения для мулл. В такие дни первым на эти сборища являлся мулла Мухиддин и во всеуслышание начинал читать

¹Маддах — уличный рассказчик житий святых, священных историй.

коран. Приглашали его на угощения и владельцы ремесленных мастерских.

Дела муллы Мухиддина пошли на лад. Оставалось обзавестись тепленьким гнездышком, своим домом и тестем, который встречал бы его с поклоном, почтительно сложив руки на груди.

Долго ходил мулла Мухиддин, расспрашивал, узнавал и наконец нашел.

В махалле Бахмальбоп жил мастер Хайдарали. В его обширной мастерской работали около сорока искусных умельцев-ткачей. Они ткали дорогие ткани, шелк, атлас. Работа кипела. Самому мастеру Хайдарали перевалило за шестьдесят. Он жил вдвоем с единственной дочерью Зубейдой в своем собственном очень хорошем доме, состоявшем из ташкари — мужской половины с прилегающим к ней просторным двором и ичкари — внутренней части дома с закрытым двором для женщин. Многие зажиточные мастера-ремесленники засылали в дом Хайдарали сватов, но неизменно получали отказ. Всем мастер повторял одно и то же: что он живет надеждой, быть может, найдется зять из образованных, одинокий молодой человек, который зажжет очаг в его доме, то есть станет продолжателем его рода. «Надеюсь, это будет стоящий человек, заслуживающий, чтобы я на него молился в дни великих праздников. Поэтому я не выдам Зубейду замуж куда-нибудь в другой дом!» — объяснял Хайдарали сватам.

Разузнав, что нужно, мулла Мухиддин отправился к своему приятелю казию Халикджану, подробно рассказал про богатую невесту.

— А теперь обо всем остальном вы сами, братец, провяжите отеческую заботу!.. — добавил он просительным тоном.

— Только и всего?

— А разве это не великое счастье для меня?

На другой день к мастеру Хайдарали отправились два почтенных свата. Вернулись они в новых халатах. И вскоре в махалле был устроен свадебный пир. Муллу Мухиддина женили на дочери мастера Хайдарали Зубейде.

Свершилось то, чего желали, к чему стремились и мулла Мухиддин, и уста Хайдарали. Однако мулла Мухиддин был встречен девушкой холодно. Даже слишком холодно...

Прошел год после свадьбы, лед в сердце Зубейды так и не растаял. Зубейда часто плакала, мулла Мухид-

дин терпел до поры до времени, скрывая от всех нелады с молодой женой, а на людях выказывал преданность и усердие. Засучив рукава брался он за любую домашнюю работу, постепенно прибирая к рукам хозяйство и имущество тестя. Действовал хитростью и обманом, старался заворожить тестя.

Простодушный Хайдарали передал своему расторопному, образованному зятю в полное распоряжение станки и оборудование, поручил ему вести все денежные операции и сделки с лавочниками, а сам спокойно полеживал на одеяле. Ему казалось, что он живет в свое удовольствие. А мулла Мухиддин все твердил ему: «Вы старик. Ходите себе в мечеть, совершайте молитвы пять раз в день, прогуливайтесь, развлекайтесь, спокойно отдыхайте».

Плутни муллы Мухиддина скоро сказались. Ремесленники получали плату не вовремя, с перебоями. Постепенно они стали переходить к другим мастерам, в мастерской станки останавливались один за другим. От огорчения Хайдарали заболел и слег.

Однажды он позвал к себе муллу Мухиддина и долго объяснял, как надо наладить дела в мастерской, вернуть ушедших мастеров, уплатить долги и купить шелк-сырец. Он извлек из-под подушки кошельки с золотыми монетами и вручил их зятю:

— Будьте более расчетливым, сынок! Я даю вам золото, которое скопил себе на похороны и поминки!...

Выйдя во двор, мулла Мухиддин принялся украдкой рассматривать содержимое кошелька. Очевидно, золотые монеты долго лежали зарытыми в земле и поэтому сделались влажными.

— От этого они не стали хуже,—пробормотал мулла.

Его обуяла жадность. «Должно быть, у него еще есть золото! — думал он.— Даст бог, все будет моим!..» Обойти простодушного тестя ничего не стоило. Но ни сладкие речи, ни притворная любовь, ни лживые обещания не в силах были растопить лед в сердце молодой жены. Мулла Мухиддин не знал, что Зубейда отдала свое сердце другому.

Не найдя улады в семейной жизни, мулла принялся строить новые планы. Он заглядывал далеко-далеко в будущее, подготавливал почву. А пока что приходилось запастись терпением и выполнять волю тестя — приняться за дела мастерской. Надо было добиться, чтобы вернулись мастера, подмастерья и их подручные, обеспечить мастерскую шелком-сырцом, привести в порядок

станки, вернуть доверие кредиторов. Мастера, подмастерья и их ученики вернулись в мастерскую. На улице перед домом были протянуты основы. Мастера, изготавливавшие ремизки, привязали их к ткацким станкам, соединяя попарно нитяными петлями для подъема нитей. И снова работа закипела. Старый Хайдарали от души радовался.

Среди ремесленников, ушедших из мастерской, был маргиланец по имени Камильджан. Он был моложе всех ткачей. Своим добродушным и веселыми песнями, которые Камильджан распевал звонким, приятным голосом, он завоевывал любовь и старых и молодых сотоварищей по ремеслу. Камильджан единственный не вернулся в мастерскую Хайдарали.

Однажды вечером все ткачи обратились к мулле Мухиддину с просьбой:

— Без Камильджана в нашей мастерской пусто и скучно. Просто терпения нет! Хозяин, послушайте! Мы попросим его вернуться сюда. Можно, а? И работа у него чистая, гладкая, и джигит он ладный, и песни у него складные!...

Мулла Мухиддин не возражал, и на другой день Камильджан вернулся. Работа в мастерской пошла веселее. Под шум сновавших взад и вперед ткацких челноков снова полились звуки песен. Но теперь в них слышались нотки печали и гнева. Все это заметили, кроме муллы Мухиддина, занятого своими делами...

До женитьбы муллы Мухиддина Камильджан жил тут же в мастерской. Вечером, едва ремесленники расходились по домам, он подметал двор, наводил чистоту. Закончив хлопоты, он принаряжался. Обуется в хорошо сшитые сапожки с двумя кантами разного цвета, прошитыми вдоль швов на каждом голенище, наденет летний халат, опояшется двумя бельбагами — поясными платками, сдвинет тюбетейку набекрень, а тюбетейка нарядная, с вышивкой — по голубому ластику стручки перца, — и перебросит через плечо черный шелковый халат с мелкой стежкой. Разрядившись, Камильджан направляется в сторону Кальвакского базарчика, чтобы провести время в чайхане в кругу друзей. Всю дорогу во весь голос он распевает «Фаргонача шахноз». Услышав доносящуюся с улицы песню, девушки, приоткрыв калитку, выглядывают в щелку и подолгу смотрят молодому ткачу вслед. Да и неспроста. Джигит он был видный, красивый.

В полночь из чайханы Камильджан возвращался домой и, напевая что-то себе под нос, зажигал светильник, стелил одеяло на карават — деревянных полотах — и готовился ко сну. Обычно в этот момент приоткрывалась дверь, и изящная рука ставила сначала плов в обеденной чашке, а затем чайник чая. Камильджан, встав с кровати, забирал плов и чайник чая и громко благодарил. В ответ из-за двери слышался вздох.

Задержавшись на минутку, Камильджан прислушивался к дробному стуку быстро удалявшихся каблучков.

Он знал, что эти изящные каблучки принадлежат прекрасной Зубейде.

С того самого дня, когда молодой ткач сел за станок и запел свою первую песню «Сад на улице», он занял прочное место в сердце Зубейды. А Камильджан, увидев однажды кипарисостанную круглолицую девушку с красивыми, как у джейрана, глазами, тоже был ошеломлен и очарован. При мысли о ней тоскливо сжималось сердце юноши, и тогда он принимался петь, чтоб шепотом песней утолить свою печаль. Но тайну свою он скрывал от всех.

За два дня до свадьбы Зубейда с подругами ходила к портнихе. Возвращаясь назад по безлюдной улице, она заметила, что следом за ней идет Камильджан. Отстав немного от подруг, она выронила узел. Подоспевший Камильджан поднял его и, отряхивая пыль, сказал потихоньку:

— Неужели вам ровня этот мулла?...

— Если отец ошибся, то я уж не ошибусь... Я руки ему не подам и не позволю к себе даже прикоснуться... А в случае чего убегу в горы...

Схватив узел, Зубейда поспешила за ушедшими вперед девушками.

Все в мастерской заметили, что Камильджан терпеть не может муллу Мухиддина, а тот тоже недолюбливал молодого ткача, ему не нравились и его песни, и то, как этот красивый джигит свободно расхаживает по двору и в мастерской. Частенько мулла с сомнением, ревниво поглядывал на Камильджана.

Не прошло и полгода, как мастер Хайдарали покинул бранный мир. Мастерская, все хозяйственные дела, начиная от взаимных денежных расчетов в части купли-продажи, — все перешло в руки муллы Мухиддина.

Держать мастерскую, нанимать мастеров, подруч-

ных, учеников, следить за их работой — кому нужна вся эта возня? И в самом деле, мулла Мухиддин скоро решил, что ткачество для него лишняя обуза. По многим соображениям было бы неправильно сразу закрыть мастерскую. Народ наверняка осудил бы его, люди обязательно сказали бы: «Сулейман-пророк помер, и дивы избавились от страха». Мулла Мухиддин крепился и терпел. Мастерская продолжала работать.

Приходилось проявлять терпение и в семейной жизни. Зубейда все еще стояла на своем. Она так и не пожелала положить голову на одну подушку с мужем.

— Бог даст, и вы станете поступать справедливо, по совести... — говорил мулла Мухиддин и всякий раз вечером с этими словами уходил в михманхану на мужскую половинку. Зубейда, чтобы было не так одиноко, взяла к себе в дом вдову.

Однажды темным вечером мулла Мухиддин возвращался домой из мечети после пятой молитвы, как вдруг кто-то преградил ему дорогу. Это был сосед, торговец лошадьми, барышник.

— Я вышел, чтобы встретить вас, — сказал он.

— Ну?.. Что случилось?

— Зайдите ко мне потихоньку! Я вам покажу кое что... Вам обязательно следует посмотреть!

Барышник, взяв муллу за руку, потянул его в узенький проулок, ведущий к его дому, и прошептал на ухо:

— Я залез на крышу, чтобы сбросить оттуда немного дров, смотрю — а у вас в доме мужчина. Я подумал, что это вы, потом смотрю — нет, молодой парень...

У муллы Мухиддина дыхание перехватило. Барышник повел его во двор. Мулла снял чалму и халат, взобрался по лесенке на крышу и сквозь виноградные листья посмотрел в окна своего дома. Действительно молодой мужчина и Зубейда торопливо собирали в михманхане узлы. Кряхтя, цепляясь за искривившийся виноградный ствол, обдирая руки и ноги, мулла Мухиддин с помощью барышника спустился во двор. Отдышавшись, он схватил попавшую под руку палку и поплелся в дом. Рядом со своей женой он увидел Камильджана...

— Вот как!... Чужой! — закричал, задыхаясь, мулла. — Какое ты имеешь право входить в этот дом?!

Растерянно мулла топтался на пороге. Зубейда ничуть не испугалась. Наоборот, она улыбнулась. И это была первая улыбка, которую мулла Мухиддин увидел на лице жены.

— Заходите, домулла! — тихо проговорила Зубейда. — Хорошо, что вы пришли! Давайте поговорим. Пожалуйста, прошу!..

У муллы Мухиддина потемнело в глазах, палка выпала из его рук. Он и сам не заметил, как вошел в комнату. Камильджан подхватил его под руку и усадил на подстилку, а Зубейда подложила под спину подушку, налила чаю и, поднеся пиалу, сказала:

— По брачному договору, заключенному вами, я ваша жена. Может быть, у вас появились сомнения, когда вы увидели здесь этого юношу. Знайте, что мы уже давно любим друг друга. По вечерам, когда вы уходите в мечеть, Камильджан перебирается через дувал во двор. Мы вместе ужинаем, ведем приятную беседу, а когда вы возвращаетесь из мечети, он уходит к себе. Иногда, поддавшись искушению сатаны, Камильджан заводит разговор о чистоте нашей любви, но я каждый раз говорю ему: «Пока муж не даст мне развода, пока мы не вступим с вами в законный брак, вы даже к руке моей пальцем не прикоснетесь!» И вот что! Я ваша жена! Но жена по названию. Я вас не любила, не люблю, и пусть пройдет хоть вечность, все равно не полюблю! И прошу, пусть тайна останется между нами, чтобы никто не порочил нас и не пачкал наше доброе имя. Но завтра же принесите мне от казиза разводную, заберите вон тот кувшинчик, в нем золото... И отправляйтесь куда угодно...

По знаку Зубейды Камильджан снял с полки глиняный кувшинчик грубой лепки и поставил его на пол посреди комнаты, а сам, подчеркнуто соблюдая все приличия, опершись руками о колени, сел на пятки напротив все еще не вымолвившего ни слова муллы. Усмехнувшись, Зубейда продолжала:

— Мне нужно не золото, мне нужен друг. И по возрасту и по разумению. А золото... золото пусть будет нашим...

Только теперь мулла Мухиддин решился поднять глаза. При виде глиняного кувшинчика он встрепенулся. Надо сказать, что у него вдруг заколотилось сердце в груди. Но, чтобы не выдать себя, заговорил напыщенно и поучительно. Однако страх еще не прошел, и он заикался и путался:

— Можно было бы, жена... э... и не хвастаться... золотом... Что за важность... Золото! Надо было вам... э... э... сказать, что вы... э... любите другого. Этих слов

я давно уже ждал от вас... Вот, значит, как... Выходит, у нас нет другого выхода... Значит, надо расстаться. Если так... я и без золота уйду куда глаза глядят.

Поднимаясь с места, мулла Мухиддин искоса глянул краешком глаза на кувшинчик, а затем посмотрел на Зубейду. Лицо его было бледно. Он все еще не мог побороть страх. И молодая женщина даже пожалела его, и на глазах ее навернулись слезы. Все же он был не такой уж вредный человек, не бил ее, не насиловал ее чувство.

— Во всяком случае,— сказал, все еще заикаясь, мулла Мухиддин,— дабы мне не подвергнуться порицанию и упрекам, вам завтра у казия следует сказать: «Я вовсе и не собираюсь выходить теперь замуж за кого-нибудь. Но, увы, наша супружеская жизнь не получилась!» И прошу вас, чтобы вы вот так же прослезились.

Он совсем расхныкался и выглядел жалким и несчастным.

— Ладно,— сказала довольная Зубейда. Она опять пожалела муллу Мухиддина.— Я сделаю, как вы сказали. Если хотите, то, кроме золота, заберите с собой и свое имущество...

А наутро мулла Мухиддин покинул дом ткача и вернулся к казию Халикджану.

— Нехорошо получилось! — бормотал казий, всячески стараясь показать, что очень огорчен всем случившимся.— Вы поступили плохо, мулла Мухиддин! Судя по тому, что говорят люди, ваша жена очень красивая женщина! А вы ее отдасте кому-то... И вдобавок ко всему вы упустили из рук богатство! Как расценить ваш поступок?.. Вы подобны гостю, пренебрегшему подаваемым ему угощением! Ведь это же неблагодарность за добро!

Все еще не оправившийся от страха мулла Мухиддин прикинулся сиротой:

— Все, что вы сказали, правильно! И то, что это не благодарность за добро, тоже верно! Но что поделаться. Как бы жена ни была красива, словно красавица перно, если она не может родить!... Что ж, из-за ее богатства и красоты мне только и смотреть на ее красоту, а всю жизнь прожить без сына?... Неужели мне так и умереть бездетным?!

— М-да, если она такая, то что же сказать?.. Может быть, дочку Хашима-суфи... Она пока все еще не...

Вытирая слезы, мулла Мухиддин завертел головой:
— Если вы хотите меня порадовать, отправьте меня в Кашгар. Я посмотрю эту страну, а потом пусть будет то, что на роду написано!

— Хорошо. Когда поедете в Кашгар, не забудьте, что там есть люди, которые вас ждут. В тот день, когда вы приехали из Бухары, они вместе с вами кушали плов. Среди них был Тухтаахун. Да он вас на руках носить будет. Окажет вам должный почет и уважение.

— Благодарю!— мулла Мухиддин, приложив руки к груди, отвесил поклон.— Как раз то, что мне нужно. Под вашим покровительством я совершу паломничество в город правоверных мусульман, древний Кашгар, поклонюсь святым местам!...

Казий, прервав разглагольствования муллы Мухиддина, положил ему руку на плечо и, придавив книзу, воскликнул:

— Эх, и бестолковый же вы! А еще мулла! Какие там святые места! Женитесь там и не возвращайтесь! Красавицы с глазами газели обитают в Кашгаре. Ваш покорный слуга два раза ездил туда и оба раза женился. Две из четырех моих жен привезены из Кашгара...

Хотя Кашгар в этом смысле не интересовал муллу Мухиддина — ему все еще мерещились суровые глаза Зубейды и Камильджана, — он сделал вид, что очень доволен, улыбнулся ради приличия и поблагодарил казия:

— Вы, господин казий, описываете Кашгар так, что перед моими глазами предстают замечательные картины! Ваш покорный слуга, господин казий, тоже, как и вы, привезет оттуда красавицу с глазами газели! Но... только мне хочется уехать туда сегодня же!...

— Нет,— засмеялся казий,— успокойтесь, возьмите себя в руки. Сейчас даже и думать нечего об этом. Где уж там зимой перебраться через высокие перевалы. Даже птицы, у которых крылья, и то не могут перелететь через них. Дорога закрыта. Откроется она только через шесть месяцев. Вот тогда вы и поедете...

Мулла Мухиддин расстроился. Он ни за что не хотел оставаться в городе, где жили эти Зубейда и Камильджан.

— Ну тогда я поеду в Ош,— сказал жалобно он.— Думаю, может быть, я проживу там, пока откроется дорога... Почему-то мне хочется выехать из этого города. Я странствующий дервиш и хочу жить по-дервишески.

Я не могу быть там, где меня постигло разочарование. И Бухару я покинул из-за таких вот неприятностей и разочарований.

— Вы и в нас разочаровались?

— Нисколько!.. Мне хотелось бы жить всю жизнь под вашим покровительством. Но позже... Благодаря вам я приобрел в этом городе почет и уважение, обзавелся друзьями... Я не из тех глупцов, которые, обозлившись на блоху, сжигают одеяло.

— А коли так, что же я могу вам сказать? Поезжайте не в Ош, а в Андижан. Там живет наш дорогой друг мулла Атабек, с которым мы вместе учились в Бухаре. Он богатый, щедрый, гостеприимный человек. Я могу написать ему письмо...

Мулла Мухиддин воспрянул духом и стал готовиться в дорогу. В среду он отправился на конный базар и купил там верховую лошадь и хурджун — переметную суму.

После ужина мулла Мухиддин достал перо, чернильницу, бумагу и объявил во всеуслышание:

— Не обращайтесь внимания, если увидите у меня огонь. Сегодня я просижу всю ночь до рассвета. Я буду писать хвалебную касыду в честь казиза. Если можно, оставьте меня одного на эту ночь.

Мулла запер изнутри комнату на цепочку, распорол воротник ватного халата, кайму рубахи и конусообразную дервишескую тюбетейку на ватной подкладке и принялся зашивать туда золотые монеты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВЯТОША СВЯТОШУ ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

Атабек принял муллу Мухиддина сердечно, с гораздо большим вниманием и почетом, чем можно было ожидать. Впрочем, в своем письме казий Халикджан очень расхваливал муллу, расписал его достоинства и высокие поэтические качества. Длинная-предлинная хвалебная ода «Касыда о мулле Атабеке, казии андижанском», сочиненная в пути муллой Мухиддином, до того тронула сердце Атабека, что он велел нарезать барана и бросить его к ногам приезжего гостя.

Мулла Мухиддин удостоился уважения и почестей за большим дастарханом. Всю зиму прожил он в довольстве и сытости, а когда путь в Кашгар очистился

от снега, казий Атабек усадил гостя на лучшего своего иноходца и лично проводил до самого Оша.

Спутники муллы Мухиддина — уйгуры-купцы — постоянно совершали торговые поездки в Кашгар и Ош. Распевая песни, ехали они через горы и крутые, опасные перевалы на своих низкорослых, но выносливых иноходцах, много раз совершавших горные переходы. Караван неуклонно подвигался вперед, вытянувшись длинной цепочкой. Мулла Мухиддин, цепляясь за луку седла, с ужасом поглядывал на разверзающиеся пропасти и осторожно, чтобы не заметили спутники, нет-нет и ощупывал то воротник халата под шубой, то конусообразную тибетейку под шапкой. У муллы Мухиддина было такое выражение лица, будто он волк с окровавленной пастью, вырвавшийся из лап пастухов и убежавший в лес, или, вернее, вор, который только что перелез через дувал и пустился наутек.

Перевалив через Терак-даван — самый высокий из перевалов на пути из Оша в Кашгар, — путники выехали на сравнительно широкую дорогу, но впереди их ждали другие высокие горы.

В журчании игривых ручейков, бежавших с гор, в плеске шаловливых струек мулле Мухиддину слышались звуки задорной песни ткача маргилаца Камильджана. Тогда он нервно оглядывался, и взгляд его шарил по горным склонам, поросшим зарослями арчи. Из древесной чащи доносились соловьиные трели, удивительно похожие на звонкий, словно колокольчик, голос Зубейды. И снова звенели в его ушах ее слова: «Мне нужно не золото, а друг. И по возрасту и по разумению. А это золото пусть будет вашим!...»

Рука муллы Мухиддина невольно тянулась к вороту халата и тибетейке. Он с облегчением вздыхал и бормотал себе под нос:

— Дура!.. Подумаешь, любовь лучше, чем золото! Бестолочь! Не будь Зубейда дурой, где уж мне достать это золото!.. «Мне не золото нужно, а нужен друг». Ведь скажет тоже! Удивительно! Неужели нельзя за это золото приобрести и друга, и счастье, и уважение. И дурак знает, что золото — ключ ко всему.

Путники сильно измучились в пути, но, на свое счастье, ни разу не наткнувшись на разбойников, благополучно прибыли в Кашгар.

Мулле Мухиддину Кашгар показался более тесным, чем Коканд.

Улицы в Кашгаре узенькие. На базаре толкотня, давка. Люди ходят в красных халатах из грубой маты. Редко увидишь всадника на лошади. Ездят кашгарцы больше на ослах. Мулла Мухиддин решил не задерживаться в Кашгаре. Найдя доверенного казья Халикджана купца Тухтаахуна, он поделился с ним своими планами поездки в Индию, а оттуда — в Мекку, к святым местам. Тухтаахун не стал возражать. Оказывается, он знает надежных людей, тоже собиравшихся ехать через Тибет в Индию.

Услышав об этом, мулла Мухиддин отбросил мысль об отдыхе в Кашгаре. Теперь ему было не до того. Он засуетился. Надо было встретиться с попутчиками, сменить иноходца на мула, купить необходимое, словом, подготовиться к дальним странствованиям.

Прошла какая-нибудь неделя, и у путешественников все было готово к отъезду.

Вскоре караван двинулся в путь. Оставив позади степные просторы Хотана, путешественники вошли в горы. Но тут затаенное опасение, словно змея, опять начало грызть сердце муллы Мухиддина. Стоило только вспомнить ему о припрятанном золоте, как его словно бросало в огонь, и он принимался ощупывать ворот халата и тюбетейку.

В голову лезли неприятные мысли. Да что же это такое, в конце концов! Какой-то неотесанный ремесленник ставит свою честь и совесть превыше всего. А мулла Мухиддин свою жену, состоявшую с ним в законном браке, продал за золото, вместо того чтобы пнуть ногой кувшинчик с золотом и сказать: «Не надо мне золота, ты мне сама нужна!» Он проявил слабость, поддался соблазну, поклонился золоту!..

На полях у подножия гор Индостана пахали землю обнаженные до пояса крестьянские парни, распевая песни о любви.

И там, где девушки молотили пшеницу, тоже звенели песни о любви.

В тяжелом труде их утешало то, что выше всего в мире: их утешала любовь...

Муллу Мухиддина угнетала не история с неудачной женитьбой, не «глупость» Зубейды. Его угнетало другое. Когда ткач поставил перед ним кувшинчик, завернутый в тряпку, он насмешливо посмотрел на муллу Мухиддина. Это и причинило мулле сердечную боль. Стоило только вспомнить эту улыбку, как его охватыва-

ла ярость. В припадке гнева он готов был растерзать всех юношей и девушек, которые пели песни про любовь.

И когда мулла Мухиддин слушал в чужом краю эти песни, перед его глазами, словно живые, вставали ткач из Маргилана и прекрасная, гордая девушка Зубейда.

Он не понимал их, ведь можно было на худой конец оставить себе половину золота и лишь половину отдать ему, мулле Мухиддину. Он и этим был бы доволен, и за это мог тысячу раз выразить свою благодарность. Неужели какая-то простая, необразованная девушка из-за любви может быть такой великодушной и щедрой?!

Мулла Мухиддин теперь не мог спокойно слышать слово «любовь». Оно вызывало в нем злобу. Он поклялся, что в его стихах не будет ни слова о любви, ни намек на любовь. Все люди, которые пели о любви, все, кто слагал песни о любви, отныне являлись злейшими его врагами.

Ему казалось, что с ним происходит что-то странное: будто он сам превратился в кувшинчик с золотом, а вместо одежды на нем тряпка, снятая с кувшинчика.

Мысль, что он заполучил Зубейду по брачному договору, но, увы, на самом деле, так и не стал ее мужем, вызывала в нем горькую обиду и досаду. Иногда в дни, когда еще мулла Мухиддин был женат, он ухитрялся сложить стихотворение о любви, но все же ему не удавалось этим расположить к себе Зубейду. Все кокандцы, вплоть до казия, уважали муллу за его достоинства, ученость, знание корана, но для Зубейды он не стоил и капельки пота с обнаженной груди ее друга, босоногого ткача Камильджана.

Да что же это такое, в конце концов!..

...Мулла Мухиддин благополучно добрался до Мекки. Там он разыскал бывшего правителя Кашгара Якуббека. Он жил во дворце, купленном на привезенное в хурджунах золото. У Якуббека в услужении были десятки людей, работавших в лавках, харчевнях, караван-сараях, опиескурльнях, которые обслуживали паломников. «Оказывая услуги» мусульманам из Туркестана, прибывавшим на поклонение святыням, Якуббек нажил уже немалое богатство.

Письмо андижанского казия Атабека и длинная-предлинная касыда, сочиненная муллой Мухиддином в честь Якуббека, сделали свое дело. Расчетливый и дально-

видный Якуббек в нужных случаях не скупился выделять от своих щедрот на подарки и подачки тем людям, с помощью которых он рассчитывал извлечь выгоду. Тогда, как говорили, он превосходил тароватостью легендарного йеменского шаха Хотамтая, прославившегося своим великодушием и бескорыстием. Вот почему мулла Мухиддин нашел в Мекке почет, уважение и, что самое главное, бесплатное жилье и питание.

Такой человек, как Якуббек, который большую часть своей жизни был властелином государства, очень нуждался в умелом сочинителе хвалебных од и славословий вроде муллы Мухиддина. Якуббек знакомил с ним паломников, которые приезжали в Мекку, именуя его не иначе, как великий поэт Хаджи Мухи.

Однажды Якуббека посетили влиятельные духовные лица из Стамбула. В их честь ферганские повара приготовили разнообразные кушанья. Гостям очень понравились узбекские блюда. Заинтересовал их и Хаджи Мухи. Они пригласили его в Турцию. О такой поездке он давно мечтал.

В те времена Турция стонала под гнетом деспота Халифа султана Абдулхамида. Душилось малейшее проявление свободной мысли. Просвещенных людей сажали в тюрьмы, вешали, расстреливали как «вероотступников, сбившихся с истинного пути». Крестьян-бедняков, поднимавшихся против безудержного произвола землевладельцев, истребляли беспощадно именем священного шариа. Мулла Мухиддин, фанатик и ревнитель веры, прибыл в Стамбул. В Стамбуле быстро сошелся с членами объединения «Иттиходи ислам» — «Союза исламистов», требовавших воссоединения всех мусульманских государств под эгидой турецкого халифа. Если бы только мулла Мухиддин мог, то сейчас же поехал в Коканд и принялся бы клеймить позором родителей, обучавших своих сыновей в русских школах поэтов, пропагандирующих русское просвещение. Его ужасала занимавшаяся в Туркестане заря, пробуждавшая народы этой страны от вековой спячки.

Прошло не так много времени — всего около десяти лет. Мулла Мухиддин, наряженный в новый халат и именовавшийся ныне новым именем — Хаджи Мухи, возвратился в Туркестан. То, что он увидел, крайне его поразило.

С приходом русских появились новые законы, новое просвещение. Пришельцы принесли с собой книги, науку, культуру и, как говорят поэты, «опять прилетели соловьи и сели на ветвях среди цветов. Музыканты и певцы снова взяли в свои руки сазы». В беспросветной тьме засияли лучи нового.

Многое изменилось в Туркестане. Многое ушло безвозвратно в прошлое. Ушел из жизни покровитель и друг муллы Мухиддина — казий Халикджап. И Хаджи Мухи, разыскивая себе прибежище, в глухую полночь постучался в ворота Сулеймана Авганбая, жившего в Гальчасае. Сулейман Авганбай искренне обрадовался, увидев ночного гостя. Сулейману Авганбаю были очень нужны защитники шарията вроде Хаджи Мухи.

Утром к завтраку в михманхане собрались ишаны, муллы и бан. До второго завтрака они слушали рассказ о приключениях Хаджи Мухи. В полдень наш странник вместе с Авганбаем и его друзьями совершил полуденную молитву, а затем отправился в махаллю Мирзаёдгор, в дом своего покойного друга казия Халикджана, прочитать заупокойную. На обратном пути ему захотелось пройтись по махалле Бахмальбоп, с которой у него было связано немало хороших и плохих воспоминаний.

Дул осенний ветер. Редкие прохожие спешили по улице. Только неугомонные ребятишки играли, гоняясь друг за другом. Из ткацкой мастерской со двора покойного Хайдарали доносился шум челноков. И вдруг слышались звуки бодрой, веселой песни. У Хаджи Мухи екнуло сердце. Нервно зажав уши, он быстро зашагал по обочине. На другой стороне улицы около столь знакомой Хаджи Мухи двухстворчатой калитки стоял мальчик лет восьми. Он вежливо поздоровался. Хаджи Мухи для приличия кивнул ему в ответ, но вдруг его пронизала дрожь: из калитки выглянула девочка лет шести с массой косичек и тоже поздоровалась с ним. Девчурка была — копия Зубейды. Дети беспечно побежали к ребятишкам, которые запускали бумажный змей.

Поспешно зашагал Хаджи Мухи дальше и вскоре свернул на большую улицу.

Позже ему удалось выяснить, что, получив разводную, Зубейда выждала стодневный срок, в течение которого по шарияту разведенной жене возбранялось вступать в новый брак, а затем вышла замуж за Камильджана. Опыт и знания помогли ткачу наладить работу и вернуть мас-

терской славу, которой она пользовалась при старом Хайдарали. У молодоженов пошли дети. За десять лет родилось четверо — два мальчика и две девочки. Мальчиков звали Алимджан и Фазильджан, а девочек Хурматой и Хикматой.

Узнав все это, Хаджи Мухи не мог найти себе места.

Вечером в михманхане Авганбая опять собрались старые друзья: домулла Хасанхан, казий Саадихан, ученый-богослов Зуфар-махзум, чтец корана, знающий всю священную книгу наизусть, Кутбитдин-кори, учителя медресе. Все оживленно сплетничали и злословили, осуждая новые времена. Кто-то рассказал, будто бы белый царь решил отбирать в свою казну половину доходов, получаемых духовенством с вакуфных земель и другого имущества, завещанного или переданного кем-либо мусульманским духовным учреждениям.

Но Ходжи Мухи с полным безразличием слушал эти сплетни и пересуды. Под конец беседы он заговорил о себе:

— Друзья! Я решил переехать на жительство в Андижан. Десять лет назад меня хотели назначить мударрисом в медресе Мавлони шаха Хусейна. Но я уклонился от столь высокой чести, ибо тогда у меня было намерение совершить паломничество в священную Мекку. Ныне меня Андижан привлекает, как и в прошлые дни. Там живет мулла Атабек — щедрый и великодушный.

— Нет, — сказал обиженно казий Саадихан, — мы вас, достопочтенный Хаджи, никуда не пустим. Найдем спокойную доходную должность. Нам надо, чтобы вы поддерживали, ободряли мусульман, учили молодежь. Дайте же ей возможность пользоваться вашими знаниями, полученными в Стамбуле.

Хаджи Мухи глубоко вздохнул и обвел взглядом сидящих:

— Великие учителя Стамбула, мои наставники, дававшие мне знания, поучали меня, что весь мир ислама должен объединиться под одним знаменем, а все, кто попирает шариат, должны быть изгнаны. И я приехал в Коканд, дабы объединить всех приверженцев и защитников ислама и сделать все для нашей общей цели. Но, увы! Поистине жаль, что в этой стране наблюдается совсем другая картина! Я застал здесь совсем другой мир! Сколько здесь я вижу нерадивых людей, которые небрежно, без всякого внимания относятся к шариату. Но пока еще все можно поправить. Мне не нужно ни роскошного двор-

ца, ни семьи. Если мне будет дано убежище в медресе, где-нибудь на окраине города, я буду доволен. Мне не нужна должность мударриса. Достаточно, если меня назначат попечителем имущества. А там бы я уже знал, что мне делать...

Все присутствующие вздохнули с облегчением, домулла Хасанхан-махзум внес предложение:

— Для досточтимого Хаджи Мухи более подходящим будет медресе Хазрат! Там он сможет занять подобающее его достоинствам место. И на краю города, и вакуфного имущества много! Беда только, что в этом медресе бразды правления держит в своих руках Миён, один из сыновей святейшего. Удастся ли уговорить его?

Тогда Зуфар-махзум, как бы отвергая заключительную часть этих слов, беспечно махнул рукой:

— Хотя это медресе и находится сейчас в распоряжении моего зятя Миёна, это вовсе не препятствие. Тем более, что все городские медресе находятся в руках святейшего Ишанхана, но тут имеет голос также и ваш покорный слуга — главный мударрис Коканда. Следует обратиться с просьбой прямо к господину Миёну Сотыболдыхану. Но если возможно, то сначала лучше сходить к Турахану-махзуму и получить от него письмо на имя Сотыболдыхана...

На другой день Хасанхан-махзум, взяв с собой Хаджи Мухи, направился в дом главного имама соборной мечети Турахана-махзума проведать его, справиться о состоянии здоровья.

По пути Хасанхан-махзум рассказал:

— Белый царь дозволил светское образование, дал свободный доступ к обучению светским наукам, на которые наложили запрет наши ученые-улемы. Везде и всюду слухи, будто открываются новые школы, где будут обучать светским наукам. Как только святой имам, почтеннейший мударрис Турахан-махзум услышали об этом, им сразу занедужилось, и они перестали выходить на улицу. Многие наши духовные отцы так же, как и святой махзум, стали жить отшельниками взаперти и не выходят из дома...

ГЛАВА ПЯТАЯ

«СОБАКА ЛАЕТ И ЛАЕТ, А ЛУНА ВСЕ ПЛЫВЕТ ДА ПЛЫВЕТ СЕБЕ ПО НЕБУ»

В худжре Миёна Сотыболдыхана почти каждый вечер собирались его одноклассники, товарищи по медресе. Беседовали, читали стихи, играли в шахматы. Заходил сюда нередко и их наставник домолла Халил и принимал участие в беседе молодых людей. Обычно устраивалось угощение в складчину. Каждый приносил что-либо из провизии, разводили огонь в очаге и готовили ужин.

Часто старый Нохуш читал присутствующим персидские и арабские стихи, которые выучил наизусть еще в годы своей юности, и тут же сам делал перевод.

На этот раз Нохуш продекламировал перед собравшимися газель персидского философа-поэта Салмана Саваджи из Багдада:

Что храм Каабы, что кумирня близ него — ведь все одно и то же,
И кудри черные — силки, и сотни четок — все одно и то же.
Вот на пути к Каабе вдруг из кабака донесся громкий крик:
«Куда идешь ты, эй, ходжа? Ведь храмы все одно и то же».

Никто не заметил вошедшего в этот момент в прихожую наставника домоллу Халила. Он остановился в дверях и слушал. Нохуш уже прочел стихотворение и обратился к молодым людям:

— Ну-ка, джигиты, теперь переведите!.. Кому какая строка понравилась, пусть ту и выбирает!..

Мухаммед Аминходжа выбрал первую строку, Юлдашали — вторую, Миён Сотыболдыхан — третью и еще один юноша записал себе последнюю. Каждый так и задумался, держа в руке тростниковое перо и лист бумаги с записанной строкой. Довольный тем, что заставил друзей взяться за дело, Нохуш вышел в прихожую за дровами. Здесь он увидел стоявшего в ожидании домоллу Халила.

— Э, да это вы! — удивленно воскликнул он. — Пожалуйте-ка в худжру!

— Боюсь помешать. Вдруг у кого-нибудь мысль обрвется...

— Вы давно пришли?

— Вы читали стихотворение Салмана. Я почел неудобным входить в такой момент... Идите, идите, а я постою тут чуточку... Зайду погода...

Молодые люди засмеялись. Послышался голос Миёна:

— Заходите, отец Нохуш! Мы разгадали вашу загадку!..

Но домупла Халил вошел прежде, чем Нохуш.

— Давайте посмотрим, кто какую загадку разгадал? — сказал он.

Юноши почтительно поднялись с мест. Когда домупла усаживался на почетное место, Юлдашали попросил:

— Я тоже любил читать вслух это стихотворение! Садитесь, Мухаммед Аминходжа, и прочтите первую строку!..

Мухаммед Аминходжа пробежал глазами свою записку.

— Я понял так: если у обонх одна улица, то Кааба и церковь близки друг к другу...

Усмехнувшись, домупла взглянул на Юлдашали:

— А у вас что вышло?

— Силок из черных косичек и четки с сотней нанизанных бусинок — разве это не одно и то же?..

Учитель обратился к Миёну Сотыболдыхану:

— Очередь ваша!

Миён, почтительно поклонившись, прочел:

— Из питейного дома в храм Каабы донесся возглас.

Четвертый джигит подхватил:

— Эй, ходжа! Ты куда идешь? Разве все заведения не одно и то же?

Домупла Халил с похвалой отозвался об учениках и выразил благодарность Нохушу за интересную «загадку». Он пояснил, что и таким занимательным способом можно изучать знаменитых поэтов Востока. Но счел удобным указать на недостатки, допущенные в переводе.

Молодые люди переглядывались и тихонько подтап кивали Юлдашали, потому что он был очень находчив и боек на язык. Наконец после долгих уговоров шепотом Юлдашали поднялся и, приложив руку к груди, сказал:

— Уважаемый учитель... вы обещали рассказать нам насчет игры слов и находчивости.

— Да, да, я помню. Но, кажется, уже поздновато...

Поднявшись с места и поклонившись, Мухаммед Аминходжа позволил вставить слово:

— Если мы не послушаем ваш рассказ, не сможет уснуть.

Домупла Халил улыбнулся и закивал головой в знак согласия. Нохуш отошел от очага и подсел поближе.

— Придумывать остроумную игру слов не так-то легко.

Это требует от человека большого мастерства. Не всем оно одинаково дается, — начал домудла Халил. — Приведу пример замечательного остроумия. Как-то во времена эмира Умархана в Коканде собралось много поэтов, искусных мастеров газелей, писателей, певцов, музыкантов. Среди них выделялся старец из Уратюбе, известный поэт Кашаль.

Высокого роста, с длинной бородой и большим горбатым носом, Кашаль выглядел величественно и важно, но на самом деле был человеком простым, бесхитростным. Он жил в одной худжре с неким Абдулкаримом Фазли, прозванным «царем поэтов», очевидно за то, что он был попечителем имуществ этого медресе, а в нем проживало много поэтов. По своей бедности Кашаль был скорее слугой, чем другом весьма состоятельного и денежного Фазли.

Стояла холодная зимняя пора. У большинства поэтов, живших в медресе, карманы были пусты, дров не на что было купить, котлы лежали рядом с холодными очагами перевернутыми. Взгляды и помыслы всех устремились к эмирскому дворцу. Все ждали подарков. Однажды ночью прибежал в медресе один из поэтов и зашептал на ухо Фазли:

— Сегодня эмиру привезли мешок золота из Уратюбе. Я и побежал к вам.

Фазли поманил к себе домудлу Кашалья и дал ему поручение:

— Если на рассвете вы не предстанете перед лицом эмира, когда он будет выходить из мечети после утренней молитвы, и ничего не сумеете выпросить, то это золото уйдет в казну!..

Было еще темно, когда домудла Кашаль встал, заседлал осла и поехал в сад «Джахоноро», во дворец эмира. Осел был маленький, и у сидевшего на нем домудлы Кашалья ноги волочились по земле, поднимая пыль.

Слушатели живо представили себе забавную картину: длинный, рослый домудла Кашаль едет верхом. Осел семенит ножками, кавуши седока вздымают столбы пыли.

В худжре раздался дружный хохот.

Отхлебнув из пиалы глоток чая, домудла продолжал:

— Когда эмир совершал утреннюю молитву, поэт Кашаль вошел в ворота дворца, ведя за собой в поводу осла. Стража узнала поэта и пропустила его во двор. Там он прислонился к колонне и принялся ждать. Вско-

ре у выхода из мечети показался эмир. И сразу же взгляд его упал на Кашалю, эмир направился в его сторону. Тут осел словно по команде вытянул морду в сторону эмира и заорал во все свое ослиное горло. Насмерть перепуганный этой непристойной выходкой осла, Кашаль пал ниц. Подойдя поближе, эмир задал вопрос:

— Домулла Кашаль!... Что сказал ишак?

Не задумываясь, поэт ответил в рифму:

— Он кричал «ярмак!»¹.

Эмир понял намек и повелел выделить для поэтов часть золота, полученного из Уратюбе.

Молодые люди рассмеялись, а Мухаммед Амнходжа попросил наставника продолжить рассказ.

— Поэт Кашаль был очень беден. Как и все, кто родом из Уратюбе, он мечтал хоть раз в жизни обмотать голову чалмой из красной шалевой ткани. Однажды верхом на своем осле он ехал по улице. На голове у него была рваная чалма, размахрившиеся концы ее спускались на шею и плечи. Повстречавшийся поэту эмир, увидев рваную чалму домуллы Кашалю, засмеялся и спросил:

— Кашаль! Что это за путаница у тебя на голове!

Не слезая с осла, поэт в тот же миг симпровизировал:

Обмотан, опутан приехал Кашаль

В надежде добыть здесь чалму или шаль.

По распоряжению эмира Кашалю была тотчас же выдана новая одежда и чалма из красной шалевой ткани.

Но мало было поэтов, отличавшихся остроумием и находчивостью. Большинство составляли одописцы, писавшие хвалебные касыды в честь эмира в надежде добиться высоких милостей и щедрых подачек.

Прослышав о склонности эмира Умархана к поэзии, в Коканд съезжались «люди пера» — поэты и певцы из дальних и ближних городов и кишлаков. Некоторые из них, чтобы быстрее попасть на глаза эмиру и показать свои таланты во дворце, готовы были, как говорится, сесть на раскаленные угли. Они перепробовали все, не отступая ни перед чем. Иные терпели, довольствуясь малым, и скромно держались в стороне.

Эмир Умархан женился на андижанской девушке,

¹ Ярмак — монета.

талантливой поэтессе, прославившейся по всей Фергане под именем Надира. Стихотворения Надиры были изящны и прелестны, как и сама поэтесса. Владея поэтическим мастерством, она, словно солнце, излучающее свет, блистала среди поэтов того времени. О ней рассказывают поэтическую историю... Эмир подарил ей сад которому было дано название «Джахоноро». Представьте себе этот сад утром. Блестит утренняя роса на лепестках цветов. Бутоны, равнодушно сменив сонный покой на улыбки, начинают раскрывать уста, и кажется, вот-вот зазвенит их смех.

В сад из гарема вышла молодая красавица. На ней белое шелковое платье. Она стройна, бела, круглолица, с большими прекрасными глазами. За ней следуют две рабыни. Одна несет маленький коврик тюльпанового цвета, другая на подносе бумагу, тростниковое перо, чернильницу. Они замерли в ожидании распоряжения красавицы. Молодая женщина обошла вокруг цветника, полюбовалась бутонами и лишь тогда сделала знак прислужницам. Те постелили коврик, поставили на него поднос и, почтительно поклонившись, удалились. Красавица сняла кожаные кавуши и ступила босыми ногами на коврик. Играя прядями своих длинных кос, она слушала долетавшие откуда-то издали соловьиные трели, затем, сев к арыку, опустила ноги в воду, зачерпнула пригоршню прозрачной воды и освежила лицо. Вытерев лицо и руки вышитым шелковым платочком, взяла бумагу и перо и начала писать.

Но не успела она написать и двух строк, как журчание в арыке умолкло. Вода перестала течь. Разобившая красавица сердито вытащила ноги из арыка и повернулась к нему спиной. Вы уже догадались, что эта красавица — поэтесса Надира.

Эмир Умархан с удовольствием посматривал из беседки на свою любимую супругу. Увидев, что Надира огорчилась тем, что в арыке иссякла вода, эмир спустился в сад и приказал сейчас же разыскать человека, который запрудил воду.

Молодой садовник с кетменем на плече, пустив воду в урюковый сад, следил за поливом. Стражники набросились на него, связали руки за спиной и потащили во дворец.

— В чем моя вина? — взмолился перепуганный садовник.

— Поэтесса Надира, супруга великого эмира, сиде

ла на берегу арыка, опустив ноги в воду, и писала стихи, а ты, болван, запрудил воду, высушил арык!

— Только и всего?! И в этом моя вина?..

— Да, в этом твоя вина! Эмир сильно разгневался!

— Ладно, ведите меня к эмиру. Я давно хочу встретиться с ним.

Стражники привели юношу во дворец. Эмир гневно спросил:

— Это ты запрудил воду?

— Да! Ваш покорный слуга запрудил воду, господин эмир!

— Зачем?

Тогда садовник вместо ответа прочел сочиненные экспромтом стихи:

Как кипарис, красавицу увидела вода,

Целует ноги голые бесстыдница вода.

Связав ей руки, в тот же миг я доступ преградил,

Кругом по саду воду ту проточную пустил¹

Эмир Умархан пришел в восторг от стихотворения и приказал надеть на садовника новый халат.

Садовник был родом из Рошидана. Звали его Абдугаффар. Пять лет он работал в саду, но никому не горюил, что сочиняет стихи. После этого случая эмир осыпал Абдугаффара милостями, в вечерние часы навещал его и заставлял читать вслух свои произведения.

С интересом слушавшие рассказ домуллы Халила молодые люди проводили его до самого дома и разошлись. Вернувшись в худжру, усталый Нохуш уронил голову на подушку и сразу уснул. А Мухаммед Аминходжа, подложив обе ладони под голову, предался грезам.

«Удивительно! — думал он.— Поэты сочиняют стихи ради того, чтобы удостоиться внимания эмира Умархана. Писать да читать хвалебные оды, а!.. Если бы Кашаль не сумел быстро срифмовать «ишак»—«сармак», то все поэты, жившие в медресе его высочества, так и сидели бы без дров, без пищи, уставившись голодными глазами на эмирский дворец в ожидании подачки. Если бы тот же Кашаль не сумел бы подобрать к своему имени рифму «шаль», пришлось бы ему и дальше наматывать на голову старую рваную чалму. Такому остроумию грош цена! Оно и могло привести в восторг тупой, ленивый ум

¹ Перевод С. Паластрова.

властелина. Нет! Нет! Я не хочу быть таким! Лучше вовсе не быть поэтом, чем возносить подхалимскую хвалу властелину и жить его подачками! Я бедняк и хочу помогать отцу, малоимущему пекарю!.. Ведь мы, бедняки, и таких, как мы, в городе полно! Мое желание, моя мечта — писать песни, которые могли бы помочь беднякам забыть хоть немного о своей нужде. Я хочу воспеть мечты, за-таенные в сердцах полунищих ремесленников, согнувшихся в три погибели под тяжестью мучительной жизни, полной невзгод и лишений. Моя мечта — возвеличить искреннюю любовь. Нанизать на поэтическую нить проникновенные слова! Создавать стихи и песни о влюбленных, жаждущих встречи! О разбитых мечтах и неисполненных желаниях!.. Слагать песни про обездоленных, таких же, как я! Передать в этих песнях горе и печаль несчастных горемык!...»

Долго не мог уснуть Мухаммед Аминходжа. Растревоженный думами, он лежал, не смыкая глаз, ворочаясь с боку на бок.

И вдруг понесся над городом призыв к первой утренней молитве. Немного погодя и муэдзин соседней мечети неприятным визгливым голосом тоже провозгласил свое «Ля илля»... Потом послышался прерывистый кашель: кто-то шел по улице... И словно перекликаясь с ним, закашлял старый Нохуш. Он проснулся, посмотрел на Мухаммеда Аминходжу и заговорил словно про себя:

— Даже не разделись как следует! Если так будете спать, никогда не быть вам ишаном, сынок! Эй, Мухаммед Аминходжа! — позвал он громким голосом. — Эй, Мукими! Вставайте, уже светает!

Мухаммед Аминходжа приподнялся и сел на постели. Сначала он протер глаза и зевнул. Ему хотелось скрыть от воспитателя, что он провел ночь без сна.

— Вы тоже хорошо спали, отец?

— Как положил голову на подушку, так ничего больше не помню. Приготовить, что ли, немного халвайтара¹ к завтраку. Возьму малость муки, подсыплю сахару и поджарю в масле. Что вы скажете на это, ишан?

— Халвайтаром вы поделитесь с Миёном, а я пойду. Сегодня пятница — день, когда я помогаю отцу.

— И то правда, — сказал Нохуш, махнув рукой, — я совсем забыл, что сегодня пятница. И Миён сегодня

¹ Халвайтар — сладость из вареного сахара с мукой.

тоже поздно придет. А я собирался сходить в баню. Значит, сегодня будут деньги и хлеб, так, что ли?

— В пятницу, воскресенье и среду отец печет сдобные лепешки — «ширмон» — на молоке и масле. Их берут нарасхват. Надо испечь на два-три тандыра¹ больше, чем в другие дни. Пятница и воскресенье — базарные дни для ремесленников, а среда — базарный день для дехкан. Если они хоть раз в неделю в чайхане за чайником чая не разломают сдобную румяную «ширмон» или пышную лепешку «гиджда», то и удовольствия не получают, как будто они и не приезжали на базар. Но я, кажется, уже опоздал!..

Наскоро прибрав постель, Мухаммед Амнходжа побежал домой. Его отец пекарь Мирзаходжа месил тесто, а мачеха Зиёда-биби просивала муку. Мухаммед Амнходжа молча принялся за дело. Засучив рукава он стал раскатывать колобки теста в лепешки. Получалось это у него отлично. Ведь с раннего детства он помогал отцу.

Мирзаходжа всегда расхваливал жене мастерство сына:

— Когда раскатывает тесто Мухаммед Амнходжа, лепешки получаются пышные, румяные. На них очень много охотников на базаре. Расхватывают в один миг. Не успеешь оглянуться, а корзина уже пустая. А в иные дни ходишь-ходишь по улице с корзиной сдобных лепешек на голове. Ну хоть бы кто для приличия окликнул: «Эй, нонвой²...» Или людям кажется, что сдобные лепешки дорогие, или... сам не знаю почему, но берут все кто одну, кто две штуки, не больше! А вот лепешками из кислого теста всегда торгуют бойко. Конечно, откуда у ремесленника да у крестьянина деньги на сдобную лепешку?..

Зиёда-биби, просивавшая муку, вставила свое слово:

— Что же вы тогда не печете лепешки из кислого теста, раз они такие ходкие? Да и кислое тесто легче месить...

— Отец — мастер только сдобных лепешек, — перебил ее Мухаммед Амнходжа. — Об этом весь город знает.

— Как же?! Будто бы так уж и знает! Печь сдобные лепешки очень трудно! Эх, если бы их можно было быстро продать. А то приходится ходить с корзиной на голове до самого вечера, вставать в полночь, каждый день

¹ *Тандыр* — печь для выпечки лепешек.

² *Нонвой* — пекарь, хлебопек.

хлопоты, суета. И отец измучился, и у меня сил нет... А у вас, сынок, одна отговорка: учиться да учиться. Из медресе совсем не выходите... Вон посмотрите, сколько у нас в Коканде народу учится. И все наши ученые домоллы ходят без дела, у каждого на голове преобладающая чалма, а какой от этого толк? Ничего они не умеют. Нет у них никакого дела. Только и бродят по улицам да пылят. Разве вы не могли бы помогать отцу вместо того, чтобы ходить в медресе? Он выдал замуж двух дочерей, помощниц нет, чувствует себя плохо. Где же еще ему думать о вас?!

Не первый раз мачеха говорила так резко. Мухаммед Аминходжа опустил голову и продолжал раскатывать тесто. Мирзаходжа прикрикнул на жену:

— Как учится, так и будет учиться. Придет время, когда я не сумею печь лепешки, тогда аллах-кормилец даст хлеб насущный. А пока я обойдусь без помощи сына. Отец, выдавший замуж двух дочерей, сумеет и сына женить. И нечего тебе беспокоиться об этом!..

— Ах вот как?!

— Да, так!

Выронив сито, Зиёда-биби заплакала и ушла в комнату. И долго оттуда доносились ее причитания:

— О боже! И зачем только я на свет родилась! Ой, гибель моя! Я ему как своему сыну. Я считала его родным, как свое дитя родное. А он не родной, нет, не родной, а чужой, совсем чужой!

Отец и сын молча работали.

— Не обращай внимания,— шепнул Мирзаходжа.— Хватит раскатывать, этого достаточно, а остальное тесто заверни. Так... Теперь разведи огонь в тандыре. Такая уж она злоязычная, въедливая! И сестренкам твоим просто житья от нее нет, бедняжкам... Так уж мне на роду написано. Если бы не обозлилась на меня судьба, не умерла бы твоя мать, оставив вас малыми сиротками. Ну, хорошо, за все остальное возблагодарим аллаха.

Почтительно слушал отца Мухаммед Аминходжа. Обида сдавила ему сердце, комок подкатил к горлу. Он дышал тяжело, точно воздуха ему не хватало. Сдерживая себя, он усердно работал.

Набросав в тандыр сухой верблюжьей колючки, сын развел огонь. С треском вырвалось из круглого отверстия пламя, казалось, оно вот-вот разорвет глиняные стенки тандыра. Заиграли знойные, багровые языки, обгоняя друг друга. От жара лицо, открытая грудь стоявшего

около печки Мухаммеда Аминходжа покраснели. Утирая катившиеся со лба прозрачные, словно стеклянные бусинки, капельки пота, он снова и снова бросал в раскаленное жерло тандыра колючку. Жар пламени утихомирил буйство сердца, и он почувствовал облегчение. С детства он сознательно приучал себя стойко и мужественно переносить обиды и невзгоды.

Отрывая от раскаленных стенок испеченные лепешки, Мирзаходжа с удовлетворением заметил, что сын улыбается. Положив одну на другую две горячие лепешки, он протянул их сыну и, пристально посмотрев ему в глаза, спросил:

— Почему ты вечером не приходишь ужинать?

— Мы ужинаем в худжре... Миёну не хочется расставаться со мной. Вы обо мне не беспокойтесь, отец. Я еще ни разу не оставался голодным.

— Я всегда возношу молитвы за Миёна Сотыболдыхана. Но раньше вы день и ночь были вместе, а теперь Миён обзавелся женой. Он уже не почитает в худжре. Ты вынужден оставаться с этим индийским слугой Нохушем. Но он уже не слуга Миёна?!

— Нохуш — вовсе не слуга, а наставник Миёна, воспитатель. Он и мой воспитатель. Нохуш — на редкость хороший человек. Жаль, что вы ни разу не беседовали с ним, отец.

— Кто бы ни был твой Нохуш, я не могу оставить тебя жить с ним в худжре. Ты не безродный чужеземец! Хоть я и беден, но так оставить я не могу. Построить тебе дом отдельно, в другом месте у нас не хватит сил. Хоть и тесновато сейчас у нас, но как только настанет весна, вот здесь, в углу двора, построю для тебя комнату с прихожей, так я решил. А потом женю. А сейчас не уходи в худжру с пустыми руками, возьми лепешки и там позавтракаешь вместе с этим своим Нохушем.

Вспомнив, что Нохуш хотел сходить в баню, Мухаммед Аминходжа не пошел в медресе, а заглянул к домулле Халилу. У него сидел Миён — печальный, разобиженный. Домулла Халил тоже был в плохом настроении.

Вынув из-за пазухи сдобные лепешки, Мухаммед Аминходжа разломил их на подносе, а тем временем Миён разлил из чайника чай в пиалы и прочитал молитву над дастарханом.

Они долго молча пили чай. Наконец Миён, обращаясь к Мухаммеду Аминходже, сказал:

— Пойдемте... поговорим...

В худжре он бросился на ватную подстилку и тяжело вздохнул. Нохуш и Мухаммед Аминходжа истолковали плохое настроение Миёна по-своему и, не решаясь его расспрашивать, сидели оба с поникшими головами.

Наконец Миён заговорил:

— Придется мне отдать медресе. Помните того напыщенного гостя, который принес мне письмо от Турахана-махзума. Еще в тот вечер пошел первый мелкий снежок...

Нохуш вскочил.

— Что?! Что?! — сдавленным голосом воскликнул он. — Не может быть! Кто ему позволил?!

— Оказывается, бан и высокопоставленные мударисы, а также, к несчастью, и мой тесть приняли на себя посредничество. Они обратились с просьбой к моему брату Ишанхану. Брат не мог отказать и пожаловал этому неприятному человеку должность попечителя имущества нашего медресе. Придется мне освободить свое место и уйти отсюда.

Дрожь пробежала по телу Аминходжи. Будто на него вылили ведро ледяной воды.

— Если ваш брат уважаемый Ишанхан оказал ему столь высокую милость, если этот гость поднял на ноги именитых баев, высшее духовенство города, то кто же он такой? Неужто он ангел, спустившийся с небес?

— Он даже больше, чем ангел. Он прибыл из Стамбула! Из самой Мекки приехал!.. Он сам архангел аллахов! — Хотел было Миён сказать еще что-то, но, сдержав себя, понизил голос: — Наш учитель домулла Халил хорошо знает его. Отлично знает... Лет десять назад этот архангел был здесь в скромном обличе прихлебателя при господине казии Халикджане, да из-за семейных неурядиц вынужден был уехать в Кашгар. А теперь явился из Стамбула в другом обличе! Раньше он был просто Мухиддин, а теперь почтенный паломник хаджи. И имя свое Мухиддин на Хаджи Мухи сменил. Оказывается, ему понравилась эта худжра! Нет! Я повешу на дверь вот такой замок, а освободить свою любимую худжру для всяких там мухиддинов и мухи не буду.

Халвайтар, приготовленный Нохушем, остался в котле нетронутым. Раздраженный Миён Сотыболдыхан, хлопнув дверью, ушел. Нохуш печально уставился в землю. Мухаммед Аминходжа молча что-то писал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МУХАММЕД АМИНХОДЖА МИРЗАХОДЖА-ОГЛЫ
МУКИМИ

Ташкентский пекарь Мухаммед Фазил в молодые годы в поисках лучшей доли покинул родной город и переехал в Коканд. Поселился он в махалле Беквачча. Всю жизнь проработал он пекарем. Особенно удавались ему сдобные лепешки.

Умирая, завещал свою пекарню старшему сыну Мирзаходже.

Сдобные лепешки позволили Мирзаходже создать относительно благосостояние. Он женился на Ойша-биби, дочери ходжента Саид Алима Надиршах-оглы. Ойша-биби была образованная женщина, умела играть на дутаре и даже сочиняла газели. В 1850 году у Ойша-биби родился сын. Ему дали имя Мухаммед Аминходжа. Едва мальчик начал ходить, его взял к себе на воспитание брат Ойша-биби Рахматулла, золотых дел мастер, большой любитель поэзии.

А семья пекаря Мирзаходжи быстро росла. Вскоре у Ойша-биби родилась дочь, ей дали имя Мехриниса. Через несколько лет появились еще три девочки: Улугбиби, Сайдиниса, Таджиниса. Ойша-биби оставалась жизнерадостной и общительной. Бывая в гостях, на семейных празднествах, она вслух читала газела, играла на дутаре. Говорили даже: «Когда нет нашей соловьиноголосой среди гостей, нет веселья». Поэтому женщины махалли дали Ойша-биби прозвище Хуморбиби.

Мать пятерых детей жила в нескончаемых трудах и заботах. Она очень любила своего мужа Мирзаходжу, заботилась о нем, помогала ему. Содержать большую семью для простого пекаря — дело не шуточное. Дом Мирзаходжи состоял из единственной сырой, темной комнаты. Тесный двор сплошь был покрыт виноградными лозами. Малые дети требовали внимательного ухода. Их надо было одеть, накормить. Но непосильные труды и заботы измотали веселую, жизнерадостную Хуморбиби. Она стала часто болеть. Ее мучили приступы кашля. Врачи нашли у Ойша-биби чахотку.

Узнав о болезни сестры, мулла Рахматулла навестил ее. Двух девчуток — Сайдинису и Таджинису — забрал к себе домой, а сам каждый день появлялся в доме пекаря, приносил сестре лекарства, водил табибов. Но время

было упущено, лекарства не помогли, и Хуморбиби скончалась, когда Мухаммеду Аминходже исполнилось всего лишь пятнадцать лет.

Убитый горем Мирзаходжа, потеряв свою радость и покой, с головой ушел в работу. Целый день он трудился в пекарне, а вернувшись домой, занимался домашними делами.

Друзья пекаря и особенно шурин мулла Рахматулла, видя, как трудно Мирзаходже, решил женить его. Они сосватали ему вдову Зиёда-биби, проживавшую с ребенком в махалле Шалдырамок. Но брак оказался неудачным. Зиёда-биби была безрассудной, ветреной женщиной. Первого своего мужа она буквально сжила со света. Пять лет она вдовствовала, вышивала тюбетейки и этим жила. И надо же было случиться этой женитьбе, будто у несчастного Мирзаходжи своих неприятностей не хватало.

Для Мирзаходжи настали тяжелые дни. Зиёда-биби привела в дом Мирзаходжи свою двенадцатилетнюю дочь Ойшу. Мачеха потребовала, чтобы Мухаммед Аминходжа не смел на нее смотреть. Отныне он обязан был, прежде чем войти в комнату, предупреждать криком: «Пошт! Пошт!»—«Посторонись!», чтобы Ойша успела закрыть свое лицо чачваном. Вся домашнюю работу Зиёда-биби свалила на падчериц Мехринису и Улуг-биби. А когда подходило время обедать, она совала каждой девочке в руку по куску лепешки — и все. В полночь усталый Мирзаходжа приходил из пекарни, Зиёда-биби, вместо того чтобы поприветствовать его и поухаживать за ним, принималась наговаривать на его дочерей, устраивала свары и скандалы.

Долго думал Мирзаходжа и решил: «Если так пойдет дальше, я потеряю своих дочек!.. Сын тоже измучен, бродит беспризорный по улицам!.. До каких пор он будет нахлебником своего друга Миёна?! Лучше поставлю сам у себя во дворе тандыр». Как и надумал, так и сделал. Каждый день сам просеивал муку, сам месил тесто, сам пек лепешки и сам продавал их. Мухаммед Аминходжа помогал отцу. Вот так и стали они жить.

Между тем прошло три года. Мехринису выдали замуж за водоноса Дустмухаммеда, Улуг-биби — за мясника по имени Муллабай из кишлака Аччиккул. Двух дочек Мирзаходжи по-прежнему воспитывал мулла Рахматулла.

Раз в неделю Мухаммед Аминходжа ходил к мулле Рахматулле проведать сестренку. Дядя и его жена при

нетливо встречали племянника. Он рассказывал о своих занятиях. Когда дело доходило до чтения стихов, дядя приглашал в михманхану свою дочь Хайринису.

Девушка приходила без всякого стеснения, садилась рядом с Мухаммедом Аминходжой и, превратившись вся в слух, старалась понять смысл каждой строфы, каждого двустишия. Когда ей очень нравились стихи, она хлопала в ладоши, и ее рукоплескания наполняли гордостью молодого поэта.

Однажды Мухаммед Аминходжа, по обыкновению завязав в платок четыре сдобные лепешки, пошел к дяде. Сестер он встретил на пороге калитки. Они собрались на свадьбу в соседнюю махаллю. Надо сказать, что мулла Рахматулла относился к племянницам так же хорошо, как к родной дочери. Все, что он считал подходящим и приличествующим для своей дочери, то же самое делал и для Сайдинисы и Таджинисы. Все три девочки одевались одинаково. Вот и сейчас у каждой голова была повязана цветной шелковой косынкой с тканым рисунком. Все были наряжены в красные платья из ходжентской полушелковой ткани.

Войдя в калитку, Мухаммед Аминходжа увидел середине двора Хайринису. Девушка улыбнулась гостю, поздоровалась и бросилась в мастерскую к отцу. Вернувшись, она спросила Мухаммеда Аминходжу:

— Вы принесли новые стихи?

— А как же! Но вы, оказывается, уходите на свадьбу...

— Скажите-ка... Как жаль! Не можете ли вы оставить стихи отцу?

— Так и быть, оставлю.

Мулла Рахматулла возразил:

— Куда спешить? Послушай стихи, а потом пойдешь на свадьбу. К вечеру там будет самое веселье!

Мать Хайринисы, резавшая на террасе морковь, подержала мужа:

— Если бы гости уже собрались, мы слышали бы звуки бубна. Помоги мне! В прошлый раз Мухаммед Аминходжа ушел, так и не дождавшись плова.

Прохаживавшийся по террасе мулла Рахматулла зашеялся:

— Если Хайриниса будет тебе помогать, то кто же тогда даст оценку стихам? Мухаммед Аминходжа, кажется, принес новые стихи.

Присев около двери, Хайриниса осторожно засучила

рукава до локтей, обнажив белые руки, на которых сверкали браслеты, и принялась вытирать пиалы полотенцем. Налив чаю, она подала сначала отцу, а после Мухаммеду Аминходже. Сделав вид, как будто он ничего не замечает, мулла Рахматулла с целью затеять приятную беседу заговорил сам:

— Пусть сегодня начнет Хайриниса! Что ты скажешь, Мухаммед Аминходжа? Эта тихоня тоже пишет стихи, только скрывает от нас.

Девушка покраснела до корней волос. Мухаммед Аминходжа сидел молча, не осмеливаясь посмотреть на нее. Хайриниса, запинаясь, ответила отцу:

— У меня... неумелые стихи. Пока я научусь писать стихи, семь раз поспеют дыни.

— Не хочешь читать, не читай! Мухаммед Аминходжа прочтет. Доставай, племянник! Хотелось бы мне сегодня послушать хорошую газель...

Мухаммед Аминходжа вернул пиалу девушке и, достав из кармана исписанный листок бумаги, сказал:

— А если стихи плохие?..

Не успел дядя ответить что-либо, как Хайриниса ввернула свое слово:

— Будто уж плохие! Чтобы вы написали плохие стихи! Так вам и поверили!

— Что же, — сказал мулла Рахматулла. — Сейчас мы послушаем «плохие» стихи...

Мухаммед Аминходжа пробежал глазами написанные на бумаге строки и начал читать отчетливо, тихим голосом:

Хотел бы тайну я раскрыть,
о доле горькой рассказать,
Хотел бы тайну затемнить,
Но разве сердце удержать?
Пришла весна, но ни на миг
мне счастье не дала познать.
Хотел бы об руку с тобой
весенним садом я ступить.
Хотел бы я... Но тайн любви
как подсмотреть чужим не дать?
Боюсь, что слезы я пролью —
и будет нечего скрывать.
Предосторожности встают,
восторг откидывая вспять.

И, как над розой — соловью,
дано беззвучно мне рыдать.
Одной лишь родинке твоей
готов я душу всю отдать.
Я, Мукими, раскрыл глаза,
чтоб в них красу твою вобрать.

Прервав чтение, Мухаммед Аминходжа смущенно вытер выступивший на лбу пот. Его поразила пришедшая в голову мысль: «А прилично ли читать подобный любовный вздор моему дяде, да еще при его взрослой дочке? Нехорошо».

Явно посмеиваясь над смущением молодого поэта, мулла Рахматулла шутливо заметил:

— А конец? Разве мы не услышим окончание?

Ясный, словно бусинка, нанизанная на нить ожерелья, смысл строк Хайриниса приняла на свой счет. С волнением она слушала стихотворение. Пораженная, она украдкой посмотрела на отца и перевела взгляд на крышечку чайника, стоявшего на дастархане. Мулла Рахматулла ухмыльнулся в бороду:

— Складные стихи, любовные. Сочинять ты, племянничек, можешь чувствительно... Пусть твоя рука не знает болезни, будь здоров! А что еще там сочинил? Что еще там есть у тебя?

Но больше читать стихи в тот вечер Мукими не пришлось. В михманхану впорхнула Таджиниса и шепнула что-то на ухо Хайринисе.

— Подруги зовут меня! — сказала смущенно девушка.

— Ладно, ладно, дочка. Раз уж зашли за тобой, иди.

Мулла Рахматулла стал расспрашивать о делах:

— Я слышал, что в медресе назначен новый попечитель имущества. Это правда?

— Правда!

— А каковы его отношения с Миёном?

— Плохие. Миён очень расстроился. Теперь он редко приходит в худжру.

— Да, хорошего мало. Гордый человек этот Миён.

— Кажется, он покажет себя, выкинет что-нибудь. Возможно, он уйдет и заберет с собой нашего наставника Нохуша. Тогда мне придется трудно! Вы знаете, что делается у нас дома? Не хотел бы злословить, но Зиёда-биби несправедливая, бессовестная женщина! Свою дочку Ойшу она заставляет прятаться от меня, словно я

чужой мужчина. А делает это только затем, чтобы я пореже ходил домой.

Поразмыслив немного, мулла Рахматулла спросил:

— Может быть, тебе перейти в медресе Хакимойим? Там есть худжра, за которую я когда-то заплатил. Я там жил.

— Хорошо бы...

— Лучше, конечно, если бы Миён взял и тебя в медресе, куда сам переедет: вы уже привыкли друг к другу. Но если же он слишком высоко ценит свое происхождение и не предложит тебе перейти к нему, не проси его. Для тебя худжра готова!

— Хорошо...

Их беседу прервала мать Хайринисы, принесшая большое блюдо с пловом.

Мухаммед Аминходжа вернулся в медресе затемно. Миён встретил его словами:

— Завтра мы с Нохушем увезем отсюда часть вещей. Остальное возьмите себе. Мы переезжаем в медресе Мадалибек. А вы оставайтесь здесь... с тем чтобы не отдать худжру этому наглецу Мухи. Пока я жив, никто не посмеет вас выгнать отсюда. Останетесь вы так... для вида... А будете всегда с нами.

Мухаммед Аминходжа, в знак благодарности приложив руки к груди, почтительно поклонился. Это медресе было близко от дома, и ему удобно было ходить помогать отцу печь лепешки. И самое главное! Исполнилось затаенное желание жить в тиши и одиночестве и заниматься своим любимым делом — писать стихи.

На другой день Нохуш погрузил на арбу часть вещей и увез. Мухаммед Аминходжа остался один. Новый попечитель имущества, господин Мухи, при каждой встрече хмуро посматривал на поэта.

Худжра опустела. Теперь никто не собирался в ней по вечерам. Наставник домулла Халил не приходил рассказывать интересные, поучительные истории. Потухли искры света, блеснувшие во тьме. Долгие вечера в опустелой худжре на старом паласе часто голодный молодой поэт с увлечением писал стихи. Они нравились его друзьям-сверстникам, а также дяде Рахматулле и его красивой дочери.

Редко-редко к Мухаммеду Аминходже закахивал домулла Халил, совсем сгорбившийся, но, несмотря на свой преклонный возраст, все еще бодрый духом. Он внимательно следил за поэтическими успехами своего

ученика. Мухаммед Аминходжа всегда привлекал его свежестью своих взглядов, живыми способностями, своим талантом.

Но в последнее время домуллу Халила беспокоило душевное состояние ученика. Он вытягивал его к себе, старался отвлечь от мрачных мыслей, рассказывал ему о событиях, которые пережил сам.

— У нашего народа есть пословица: «Если ты обижен, огорчен, то пройдишь по кладбищу». Когда видишь могилы — много думаешь. Это пословица, может быть, и правильна. Но я тебе дам другой совет: в тот день, когда ты будешь удручен, не иди на кладбище, а прогуляйся среди живых людей! Поброди в толпе! Прислушайся к воплям и крикам! Живые люди расскажут тебе, что надо делать, о чем нужно писать.

Мухаммед Аминходжа прошелся по базару. Каждый спешил туда, куда ему хотелось. Каждый «подгребал горячую золу к своей лепешке». Мухаммед Аминходжа шел сквозь толпу, никого не узнавая. Никто в свою очередь как будто не узнавал его. Чуть ли не столкнулся с мужем сестры Мехринисы Дустмухаммедом. Тот нес на плече тяжелый бурдюк с водой. Воду он набирал в арыке Карасу и носил в чайханы, наполняя водой огромные корчаги.

Мухаммед Аминходжа поспешно свернул в сторону, и родственник не заметил его. И тут Мухаммед Аминходжа увидел женщину в парандже. Потрясая старинной книгой, она умоляла прохожих:

— Купите книгу! Нужда меня заставила, вот и вынесла продавать! Эта книга досталась мне на память от моего дедушки! Только из-за нужды продаю эту книгу!.. Осталась я без дров и без угля, вот и принесла сюда! Люди, умоляю, выручите меня!

Мухаммед Аминходжа протянул руку:

— Можно посмотреть?

— Смотрите! Если возьмете, я дешево продам! Сиротки мои дрожат от холода. Холод заставляет меня продать книгу! Это знаменитая книга стихотворений, своей рукой их написала Надира! Мой дедушка был стражником во дворце у эмира Коканда. В день, когда бухарский хан разграбил дворец, дедушка увидел в уличной пыли книгу. Мимо скакали воины с обнаженными мечами. И мой дед не побоялся... выхватил книгу из-под копыт коня. О, мой отец очень хвалил эту книгу!

Наудачу раскрыл Мухаммед Аминходжа рукописный сборник, и взгляд его упал на стихотворные строки:

О своей не говори нужде,
Ведь народ вовек горит в нужде.
Не свободен от нужды никто,
Всякий жизнь свою творит в нужде.

Он читал, сам того не замечая, вслух, и не успел еще дойти до конца газели, как вокруг собрались слушатели. Даже те, кто не нуждался в книгах, тоже начали прицениваться:

— Ну-ка, старуха! Сколько вы просите?

— Дадите цену вязанки дров и корзинки угля. Ну и хватит...

— Ого! — насмешливо воскликнул один из покупателей, скривив лицо. — Мне-то ваша книга ни к чему, я просто хотел сделать доброе дело, выручить вас. Хотите теньгу?

Эх, были бы у Мухаммеда Аминходжи деньги, он отдал бы бедной женщине за рукопись и двадцать теньга, а потом сказал бы скупому покупателю все, что думал о нем... Но у поэта в кармане не было не только двадцати серебряных теньга, двадцати медяков не имелось.

Хорошо одетый молодой человек с родинкой на щеке отсчитал двадцать теньга, положил в открытую ладонь вдовы, взял книгу и пошел своей дорогой. В печальном раздумье Мухаммед Аминходжа зашагал по улице в сторону соборной мечети.

«Прогуляйся не по кладбищу, а среди живых!» — повторил он вслух слова домоллы Халила.

Мухаммед Аминходжа бродил среди людей. Он видел, как муж его любимой сестры согнулся под тяжестью бурдюка с водой. Видел нищего музыканта в халате с уймой заплат. Он вел за руку босоногого сынишку и, играя на тростниковой свирели, просил милостыню. И тут же на пароконном фаэтоне, чванливо развалившись на сиденье, ехал богач в шубе на меху из лисьих лапок, в шапке с бархатным верхом и широкой меховой оторочкой. А дальше он вдруг наткнулся на своего отца Мирзаходжу, несшего на голове корзину с лепешками и выкрикивавшего: «Подходите! Сдобные лепешки!»

Он шел уже по мосту Байбутабека. Около лавки бакалейщика Шермухаммеда стояли две арбы, груженные кожей, а два возчика горячо о чем-то спорили.

— Эй, уважаемый! — поманил Мухаммеда Аминходжу Шермухаммед. — Пожалуйста, помогите мне! Выручите пот этих приезжих!

Поэт подошел.

Возчики наперебой кричали так, что ничего нельзя было понять.

Мухаммед Аминходжа вопросительно посмотрел на бакалейщика: «В чем дело?».

Кое-как успокоив возчиков, бакалейщик стал объяснять:

— Купец Мирзараим купил в Ташкенте кожу и отправил на арбах в Коканд. Сам купец неграмотный, а поэтому устно указал адрес. Возчики пока доехали сюда, адрес-то и забыли. Вот и крутятся с утра по улицам, расспрашивают встречных и поперечных, где дом Мирзараима. Но никто никакого Мирзараима не знает! Боюсь, что если бедняги будут так плутать до завтрашнего дня, то забудут имя Мирзараима. И сами-то замучались, до смерти устали! Просим вас, уважаемый, напишите, пожалуйста, аксакалу¹ кожевников, что так, мол, и так, эти кожи отправлены из Ташкента Мирзараиму, пусть аксакал скажет возчикам, где живет этот Мирзараим.

— Хорошо, — откликнулся на просьбу молодой поэт, — и напишу, только достаньте бумагу и перо!..

Тут же принесли перо и бумагу: поэт сел на корточки около лавки и написал:

Коканд, аксакалу кожевников.

Пятьсот из Ташкента отправлено кож,
Поближе к Коканду мой адрес найдешь.
И возчики тоже ведь мне не чужие,
Зять дяди, муж тети, чужой мне негод.
А сам я купец, грамотей-то плохой,
Но грамоты лучше пятак, даже грош!

И дом я и улицу им указал,
Кто в доме, кто главный... Ну как не поймешь?
Сгрузить поскорей! Кожа сморщится вся,
Усохнет, как я, пропадет ни за грош!

¹ Аксакал — старик.

В конце стихотворения Муками добавил:

В каком лепрозории, трудно понять,
Где дом-то искать им, на кладбище, что ль?

Писать не умеешь? Тем хуже тебе!
Такая уж неучей злая юдоль!
Нужды в объяснениях ведь нет, Муками!
Начнешь объяснять — вдруг исчезнет вся соль!¹

Свернув бумагу вчетверо, Муками вручил ее возчиком. Это было первое сатирическое стихотворение Муками.

Под вечер подул холодный порывистый ветер. Над медресе потянулись полосы дыма: почти в каждой худжре топились печи.

В худжре попечителя имуществ горел свет. По теням, двигавшимся за промасленной бумагой, которой было заклеено окно, нетрудно было догадаться, что у Муки собрались гости.

Муками пошел к себе. В худжре было холодно, дрова кончились. Он вспомнил, что вчера догорела последняя свеча. Долго стоял Муками, затем на ощупь нашел подстилку и сел. Взял одеяло, накрылся им, лег и погрузился в думы:

«Надо мной подсмеиваются. Говорят, что я похож на Хайринису. Разве это плохо, если я похож на дочь своего дяди? Лишь бы ее счастье не было похоже на мое. Ладно! Пройдут и эти дни, будут у меня дрова и своя свеча! Вот тогда я буду сидеть до рассвета и напишу длинное-длинное стихотворение про Хайринису. Прочитаю стихи только ей. Она несколько раз скажет мне «спасибо!», а листок со стихотворением сама возьмет у меня из рук. И дядя и жена его тоже любят меня. Быть может, у них есть какая-то затаенная мысль. Дядя, конечно, не зря сказал: «Приходи в свободное время, будешь у меня учиться ювелирному делу...»

Кажется, он хочет совершить паломничество! Ну что ж, у него есть золото. . Когда есть золото, можно объехать весь мир! Возьмет ли он с собой Хайринису? Нет, пожалуй, не возьмет. Выдаст ее замуж и поручит смотреть за домом. За кого же он ее выдаст?.. А вдруг за меня? Какое бы счастье! Нет, за какие достоинства он сделает мен

¹ Перевод С. Паластрова.